

ВЛАДИМИР КРЕМИН

**СЕДОВАЯ
ПАДЬ**

Владимир Кремин

Седовая падь

«Автор»

2025

Кремин В.

Седовая падь / В. Кремин — «Автор», 2025

Неожиданные и правдивые приключения, описанные в романе В. Кремина «Седовая падь», поражают своей реальностью и завораживают мистической тайной, вовлекшей персонажей произведения в мир опасных испытаний. События, уходящие корнями в далекие, забытые времена Гражданской войны в России, вплотную сталкивают героев с тайной исчезновения части колчаковского золота, а исторические факты, обрастая легендами, и до сегодняшних дней не перестают волновать читателя.

© Кремин В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	22
Глава пятая	31
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Кремин

Седовая падь

Памяти друга посвящаю

Глава первая

Тропа

Люблю вспоминать ту далекую пору безмятежного, счастливого детства, полного неповторимого колорита и очарования. Стоит оно передо мною, утопая в белых стволах берез и дурманящего, пахучего разнотравья, говорливое и босоное.

И что бы не говорили, а все же хочется вновь побывать там, куда никому из нас нет дороги, куда уносит лишь пронырливая мысль и фантазия, трогает и волнует трепет воспоминаний. А их то полон короб: сумей вот только упоительно и тонко рассказать о том тайном и памятном, что окружало тебя в то далеко унесшееся время. Когда день, хоть и короток, ощущался вечностью; когда жизнь, такая неуловимая и стремительная, казалась расстилавшейся перед тобой бескрайней чудотворной равниной, через которую непременно предстояло пройти, испытав и пережив все.

И сейчас, оглядываясь назад, видишь синеющие вершины некогда пройденных тобою гор, затянутых голубой манящей дымкой, а та самая влекущая долина уже осталась за плечами, за тем таинственным перевалом, к которому не повернуть...

Эта удивительная история возникла так же внезапно, как и происходят в нашей, на первый взгляд, обычной жизни, самые невероятные и нелепые приключения, в которые и верится, и не верится. Их мы помним, храним и не забываем. Вернее сказать, с этого она началась.

Говорят, под Новый год случиться может всякое, то шутка странная какая, как позже выясняется, умело придуманная друзьями, то занятные вещи, коим нет объяснения, а то и просто мистические – тут уж держи ухо востро. И не приведи, в такой ситуации одному оказаться, с глазу на глаз с нечистой силой.

Был последний обычный день занятий, а вечером – праздничная елка. Новогодний зимний бал в школе – всегда радость: встреча с друзьями, игры допоздна, танцы, хороводы и веселье без конца.

А в заключение, конечно же, подарки. Ох уж этот набитый сладостями подарок; так хотелось сохранить его, не есть сразу, но непослушные руки то и дело лезли в кулек и тянули оттуда конфету за конфетой, пока наконец в опустевшем пакете не оставалось одно-единственное крупное зеленое яблоко.

Яблоки Вовка не любил, больно уж они неприятно хрустели на зубах, и морозило от одного только представления поедания подобного фрукта. По телу бежали сороконожки, и кожа покрывалась пупырышками, как у голого ощипанного гуся под осень. Свое яблоко Вовка всегда отдавал другу. Тот же, в отличие от многих, ел все подряд, без особого разбора. Его, казалось, не на секунду не покидало навязчивое и неотступное чувство голода. Потому и прозвали его Пончик. Уж больно щеки его были пухлыми, как у только что испеченной румяной пышки. Девчонки любили дразнить и, если удавалось, теревать его за щеки. В ответ Пончик лишь улыбался и никогда ни на кого не был в обиде. А на его добродушие слетались, как на мед.

Вовка всегда был с другом. И в школе, и вне ее они были вместе. В парке играли в футбол, вместе бегали и прыгали на школьных спортивных соревнованиях, будто доказывая друг другу, кто ловчей, сильнее или быстрее. Но, как правило, лучшие места и грамоты в поединках доставались все же Пончику. Вовка никогда на это не сердился и не таил тайной неприязни на друга. Пончик действительно был коренастей и крепче. Однако если случалось бороться,

Вовка всегда держал верх. Была в нем некая, должно быть, природная мальчишеская ловкость, способность увертываться и выходить из любых трудных положений.

По имени Пончика тоже звали Владимиром, но это только официально и дома. В школе же, среди друзей и недругов он был Пончик. Оба Вовки и на этот раз заявили на школьный бал вместе. Бросили пальто в раздевалке и бегом наверх, на второй этаж, где в спортивном зале вся в огнях сияла и переливалась до срока срубленная лесная красавица.

На этом позволю себе прерваться и начать с событий, какие произошли задолго до этого вечера. Еще летом, в жаркую пору сенокоса, когда все село днем и ночью трудилось, заготавливая совхозное, и личное сено, дабы в лютую зиму скоту на животноводческих фермах и хозяйских подворьях, жилось не впроголодь.

Тогда брат Вовки Анатолий, будучи на два года старше, подрядился с друзьями-одноклассниками на временные работы – семье какая-никакая поддержка, да и самому в пору самостоятельности набираться.

Впятером ребята работали то в дневную, то в ночную смены на вновь построенном в деревне АВМ – 04. Так его сокращенно называли все работники, имевшие прямое отношение к сенокосу. «Агрегат по сушке витаминно-травяной муки» – таково было его полное стратегическое название. Друзья-школьники помогали подавать свежескошенную травяную массу на конвейер, который пожирал ее с людоедской скоростью так, что юным работникам приходилось потеть не меньшим образом, чем лошадь на взгорье, шустро работая вилами.

Готовый продукт – травяная мука – засыпался в бумажные многослойные мешки, упаковывался и вывозился на склад готовой продукции. Так именовался обычный, сбитый из досок, крытый сарай, довольно высокий и внушительный. Он располагался неподалеку.

Вот в этом-то амбаре и зашел среди ребят разговор о всевозможных мистических штучках, о таинствах колдовских чар, о злых ведьмах и колдуньях, их проделках и шутках, если не сказать злодействе. И было это ночью, темной и безлунной.

Тогда в ночную смену что-то не ладилось с агрегатом, и он, в конце концов закапризничав, совсем вышел из-под контроля, и бригадир вынужден был остановить производство. Мгла накрыла крадущейся, мягкой тишиной удаленную от поселка площадку, смолк агрегат, а следом погасли две последние лампы, освещавшие помещение.

По домам ребятам расходиться не хотелось – поздно уже, далековато, да и к тому же всем в разные концы. Темно, ни зги не видно – боязно...

Бригадир, безуспешно провозившись полчаса с машиной, сел на лошадь и уехал в деревню, понимая, что до утра слесарей не будет. Ребята договорились навести порядок на складе, разложить в беспорядке лежавшие мешки, согласно сменным выработкам, пометить их и к утру, со светом разойтись.

В ту ночь Вовка вызвался помогать брату, а тот и не возражал, просил лишь с вилами быть поаккуратней. Но для меньшего братишки вилы оказались инструментом не в пору знакомым, и старшие ребята с удовольствием приняли его в помощники.

Работали до полуночи, а там остановились. И уже около часа ночи пятерка отважных восседала на мешках в не освещенном складе, забравшись на самую верхотуру, под крышу. Некоторое время друзья мирно болтали на самые разные темы, пока не затеяли, забавы ради, потасовку мешками в темноте. Что-либо более оригинальное придумать было просто невозможно. Наполненные сухой травой они никого не могли ушибить или поранить, однако сбить с ног наверняка, поэтому и соблазняли. Тем более что не видишь и не знаешь, кто и с какой стороны запустит в тебя очередную порцию упакованной травы или, того хуже огреет по голове, сбросив с самого верха вниз. Ребячий азарт не удержим. К счастью, снизу тоже лежали мешки, которые по договоренности с бригадиром и предстояло прибрать. Так что особой боязни ушибиться не было, а падение лишь придавало больше азарта и энергии. Поэтому, оказавшийся внизу,

с еще большим рвением, подобно пружине, вскакивал и прихватив по пути очередной мешок, бросался в бой за овладение вершиной, получая то и дело удары не известно от кого, и откуда.

Потасовка сопровождалась смехом, шумной возней борющихся, криком и визгом побежденных до тех пор, пока не иссякли последние силы. К тому же от удара о Халявкину голову, не выдержав сурового испытания на прочность, порвался один из мешков, и тот, потеряв ориентацию, чихая и кашляя от плотной травяной пыли, забивавшей нос и не дававшей возможности дышать, с шумом свалился на плечи долговязому Соле, поднимавшемуся на кучу мешков снизу. Так шутливо, по кличкам, ребята иногда называли друг друга. Оба кубарем полетели в провал темной бездны, прихватив за собой кравшегося стороной Вовку. Тот хлопнулся Халявке на живот и был тут же с силой отброшен куда-то в темный угол, откуда упорно вновь искал выход. Ударившись лбом о косяк, он долго не решался вступать в бой.

Зажгли фонарик. Тот высветил ужасную картину побоища; во мраке, липкой пудрой витала трава, подобно туманному облаку нависая над складом. Беспрестанно чихал и кашлял Халявка. Анатолий и Васька, покатываясь со смеху, пытались привести его голову в человеческий вид.

– Ух ты! Хорош, пацаны, натворили уже... Теперь и за два часа не управиться. Надо привести все в порядок. Бригадир «шкуру снимет», – предостерегающе завопил Василий, водя фонарем из стороны в сторону.

– Нам же убирать, – добавил Анатолий.

Стихло. Батарейка садилась и фонарь оставался включенным пока все пятеро не оказались в плотном кругу на вершине горы из беспорядочно валявшихся, потрепанных мешков.

Наконец, когда страсти улеглись и ребята перевели дух, лампочка погасла и все смирились с тем, что остаток ночи, в ожидании рассвета, придется коротать в полной темноте. Уборку решено было начать к утру, все равно бригадир со слесарями рано не приедут. А главное, дружно навалившись, навести порядок к его приходу. Светает летом рано и друзей не очень беспокоила перспектива появления начальства. Нашкодили изрядно, но времени, прибрать за собой, хватит с лихвой.

Вот и принялись они рассказывать в темноте самые разные страшилки и волнующие истории, о настоящих ведьмах, колдунах да оборотнях, придавая им правдивые заверения своих древних бабушек, которые якобы видели все собственными глазами. А приукрашивали порой так, что и никакой старухе такое в голову не придет. Жуть, да и только...

Как бы то ни было, а друзья, невольно, плотнее и плотнее жались друг к другу; подобно кучке цыплят. Когда никто не хочет находиться с краю и все лезут по головам, лишь бы оказаться в середине, где теплей и безопасней.

Так случилось и на этот раз; когда уже все были охвачены трепетным ожиданием очередного рассказа, что-то, по всему чувствовалось массивное, со стуком опустилось на крышу сарая. Заерзало, заскрежетало, затопало по высланному валунами листовому шиферу. Все замерли, прислушиваясь. Было по странному тихо и лишь неугомонная трескотня ночных сверчков да кузнечиков, щекотала уши. Вовка почувствовал себя так, словно с неохотой надкусил зеленое, не спелое яблоко. Он, вдруг, подобно самому хитрому цыпленку оказался в середине жавшихся друг к другу ребят. И только Василий, никогда не терявший самообладания, выглядел храбрее остальных. Он разрядил тревожную обстановку, с шумом согнав с крыши сарая, то ли филина, то ли сову, прилетевшую в ночи невесть откуда за мышами, в изобилии водившимися окрест амбаров с зерном.

Позже, когда все вновь успокоилось и ночь обрела таинственный, магический оттенок, Василий поведал следующую невероятную историю. Широко раскрытые глаза ребят рисовали в темноте ясную картину происходившего и ничто не мешало их бурному воображению уноситься в неведомую даль открывшейся тайны.

Якобы случалось такое и в прежние времена, и в наши; то под Рождество или Новый год угодит, а то и летом, нет, да и даст о себе знать. И никто в деревне не ведал, когда еще может нечто подобное обнаружить себя; что кто-либо из сельчан, вдруг, да и вновь столкнется с неведомой напастью.

Эту историю Василию рассказала его мать, которая часто работала в ночное на «сушилке». Так называли местные жители двор, где в осеннюю пору, в страду, сушилось и перерабатывалось поступавшее на ток зерно нового урожая. Здесь же располагались склады и амбары для его непосредственного хранения.

Дарье пришлось оказаться прямым свидетелем происходившего и, без прикрас, поведать обо всем из собственных уст. Дело было прошлой осенью; немногим за полночь, слегка прихворнув, женщина, отпросившись на работе, была вынуждена спешно, как могла, возвращаться домой.

Темная и безлунная ночь, слегка тревожила. По всей видимости небо затянуло, так как ни единая звездочка не радовала глаз в том мрачном затаившемся безмолвии. Слабый, едва дотрагивающийся ветерок дул в спину, нехотя подталкивая больную, ослабевшую женщину к дому. Как назло, забыла фонарик и двигалась осторожно, чувствуя и угадывая лишь смутные очертания и тени кустарников, да видневшихся поодаль домов, с давно погасшими, темными глазницами окон. Лишь кое-где слабыми, редкими огоньками мерцала деревня, до которой оставалось уже не так далеко.

Поселок, где проживала Дарья, делился на две части логом, заросшим в низине ивняком, камышом да высоким, похожим на мертвый лес, многолетним бурьяном; его никто не скашивал и не выжигал. А пересекала эту низину узкая, извилистая тропа, по обе стороны которой бурлило и воняло не то, что бы топкое, но довольно опасное болото. То и дело случалось, что провалившегося в зыбь незадачливого теленка так и не удавалось спасти. Или, того хуже, манившая сочная осока так и уводила в небытие чью-либо прожорливую коровенку. Но люди мирились и с этим; претензии предъявлять некому, а скотинка – дело наживное. Весной, в половодье, когда сходили обильные снега, болотом никто не ходил. Оно раскисало основательно, превращаясь в подобие заросшего травой озера, изобиловавшего, день и ночь, истошно вопившими лягушками. В слякотное время года люди и машины переправлялись с одной стороны села на другую по плотине, которая плотно слежавшимся грунтом, сдерживала слабый натиск старого пруда. В плотине, с одного ее края, ближе к поверхности проходившей по ней дороги, была когда-то проложена огромная труба, через которую часто бегали полчища деревенских мальчишек, балуясь или играя в шпионов.

Вся переполнявшая озеро вода; талая или дождевая сходила по трубе вниз и поглощалась, все тем же, прожорливым болотом, которое лишь по весне насыщалось ею донельзя. Летом же, большая часть лога подсыхала, обнажая зеленые, высокие кочки. Лог превращался в луг, изобилующий разнотравьем, где с удовольствием паслись телята, гуси, да утки с выводком. Лишь окрест тропы было мрачно, сыро и необитаемо. Должно родниками до затхлой жижи рассосало земную твердь, поросшую поверху обманчивой травой. И пришла же кому-то идея, проложить тропу именно здесь. Однако она значимо укорачивала путь из одного конца села в другой. Кто нуждался в ней – тот шел, кто нет – тот в обход, через плотину.

К той самой тропе и подходила уставшая Дарья. Остановилась, осмотрелась, поправила на голове, сбившийся на сторону, платок и скрылась в темных, таинственных лабиринтах тропы. На ней темно и тихо. Даже камыш не шептал – слушал. Однако, тишину тревожной и глухой ночи, нарушал стук и шорох ее сапог, то и дело натывавшихся на неровности почвы. Отдаленный звук, походивший на слабый, едва различимый шепот, вдруг насторожил Дарью, заставив остановиться и прислушаться. Было тихо. Сердце женщины стучало, словно предчувствуя неясные, странные перемены. Она никогда не замечала за собой, чтобы какой-либо ночной, подозрительный шум, мог испугать или встревожить ее. Не раз приходилось ходить

в ночное время, работая в поле или на току, то с напарницами, а то и одной. Да и женщина она была на удивление не из робких. А вот теперь, как никогда, встревожил ее странный шум, затихавший, когда останавливалась и вновь повторявшийся, когда шла. Он возникал то позади ее, то там за темным изгибом узкой тропы, спереди. Словно скрадывал кто-то, неотступно преследуя добычу.

Временами она оглядывалась назад, пытаясь четче всмотреться в кромешную темень окутавшей ее ночи. В очередной раз пыталась идти, шагая быстрее и не обращая внимания на все более навязчивый шум, но он становился ближе с обеих сторон и, все так же затихал при ее вынужденных остановках. Женщина пробовала бежать по тропе дальше, но странное преследование продолжалось. Вдруг, будто утвердившись, мелькнула мысль. Она резко обернулась и бросилась бежать в обратную сторону. Но, внезапно, словно упершись в непреодолимую преграду, остановилась, обмерев от неожиданности и нахлынувшего неодолимого страха, лишившего ее всякой способности быть подвижной. Чувства и мысли парализовало... По телу Дарьи прошла дрожь и, свинцово отяжелевшие ноги, совершенно перестали ее слушать. Будто тошное, вонючее болото держало их цепкими, липкими лапами и тянуло к низу.

Из темного жерла ночи на нее в упор смотрели два огромных, сине-зеленых глаза. Словно расступаясь, темень высветила силуэт большой черной собаки. Дарья стояла неподвижно, не шевеля ни головой, ни телом, не издавая даже подобие звука. Она, казалось, отдалась этому странному чувству безвольного бездействия, но, однако, где-то в глубине чуть теплящегося сознания, едва-едва понимала все, что с ней происходило. Так продолжалось несколько долгих, томительных секунд. Немного придя в себя, женщина неловко взмахнула худыми кистями рук, сделав попытку испугать и отогнать бродячего пса, рискуя навлечь на себя весь его затившийся, неведомый гнев. Однако собака неподвижно осталась стоять на тропе и, лишь пара немигающих глаз буравила жертву, отнимая последние остатки мужества.

Дарья, оставаясь по-прежнему без движения, стала реальнее оценивать обстановку. Она знала, что тропа уже почти закончилась, а немногим дальше – жилые дома и люди. Они всегда помогут, если дикая, потерявшая терпение собака, вдруг разъярится и набросится на беззащитного человека. Решившись, она вдруг резко повернула голову в другую сторону, куда хотелось бы бежать, но тут же невольный страшный крик заполнил ночное болото. Унесся камышом, рассыпаясь далеким тугим эхом – затих... Дарья окаменела от ужаса. По ту сторону, в упор, на нее смотрели горящие огнем, те же самые, холодные и леденящие злом неведомой угрозы, глаза.

Совершенно не понимая, что в конце концов происходит, она едва удерживалась на тропе, чтобы не бросится бежать прочь от всего этого ужаса, напрямик по болоту, рискуя провалиться и утонуть. Возможно, это был выход; опасный, но выход. Дарья чувствовала, как дрожат руки, немеет тело, тупыми ударами колотит в грудь сердце. Однако, преодолевая парализующий ее страх, женщина сделала попытку приблизиться к собаке, которая своим мощным торсом перекрывала проход по тропе. Не понимая, что происходит, Дарья, вдруг, неожиданно для себя, погладила животное. Ей даже показалось, что оно белой масти. Попытка удалась. Собака не издала ни звука и, как прежде, продолжала стоять, остановив немигающий взгляд на человеке. Ладонь Дарьи боязливо и тихо скользнула вниз, дрожащими пальцами ощущая грубую шерсть мощного загривка. Реальность ситуации была столь очевидна, что не поверить в случившееся, было бы просто безумием, а верить и тем более. Создавалось впечатление; словно два пса сговорившись, решили известить свою перепуганную жертву жутким свечением горящих огнем глаз. Скрывая нервную дрожь, Дарья ждала предстоящей развязки.

Все решилось на удивление просто. Белая собака, что стояла спереди, преграждая путь, вдруг резко развернулась на тропе и скрылась во мраке ночи. Женщина, едва очнувшись, трясясь всем телом, тихо последовала за ней, с каждой секундой съедая шагами столь ненавистную ей тропу. А она все не кончалась и не кончалась, словно удерживала ее, не желая отпус-

кать. Не оборачиваясь, Дарья ощущала неотвязное присутствие черной собаки, следовавшей за ней по пятам. Хотелось, как можно скорее, убраться с тропы, оставить за спиной болото. О, какими же тягучими бывают порой секунды, в страстном желании и жажде выхода.

«А может собаки ведут меня куда-то?.. – мелькнула мысль, – Но Зачем, и что это вообще за наваждение? Стоит ли воспринимать его всерьез?.. – догадки кружили голову. Дарья с силой ущипнула себя – больно: «Значит реальность. Страшно все же...»

Наконец-то тропа пошла вверх, взору открылся поселок, с его добрыми, теплыми и желанными огнями. Вдруг обнаружилось, что следовавшая за ней собака так же внезапно и не заметно покинула свою спутницу. Оставшись одна, Дарья чуть ли не бегом устремилась к дому, где ждали ее свет, тепло и сочувственное понимание близких.

Глава вторая

Визит

Прошло немногим более недели после той, памятной для Дарьи, таинственной встречи. Некоторое время она не решалась рассказывать обо всем мужу, считая, что тот просто рассмеется и не примет ее историю всерьез. С ее же стороны, не верить в случившееся было бы, по меньшей мере, глупо и безответственно. А Василий; ну, что Василий – вертлявый непоседа и хулиган, которому недавно исполнилось четырнадцать, и того хуже, счел бы это нелепой шуткой.

Но однажды вечером, за ужином, Дарья все же решилась. История, рассказанная ею, привлекла внимание сына и, в продолжении всего рассказа, он заворожено слушал, не издав ни звука. Николай – муж Дарьи, с которым они уже прожили почти двадцать лет, был человеком с юмором и подобные мистические штучки его интересовали, как говорится, постольку-поскольку; лишь с веселой стороны. Поэтому он, естественно, воспринял услышанное с легкостью и, бросив пару шуточных фраз, уселся смотреть телевизор. Василий, некоторое время молчавший, принялся прохаживаться по комнате и, подобно отцу отпуская колкости.

– Мам, мы в следующий раз тебя с Шариком встречать пойдем.

– Зачем это меня встречать? – возразила мать, недоумевая куда клонит сын.

– А там поглядим, – улыбаясь продолжал Василий, – кто из вас от этих собак первым домой прибежит; ты или Шарик?

Отец хмыкнул, заулыбался и, ничего не сказав, продолжил смотреть на экран.

– А ну вас, чертяки, ничем их не примешь. Одно знают; хи, хи, да ха, ха... Вот вас на мое место, посмеялись бы тогда.

Больше история в семье не обсуждалась. Шло время, и никто не вспоминал об этом. Лишь раза два, как-то, пытался подшутить Василий, но не встретив поддержки и одобрения отца, тут же отставал, погружаясь в свои ребячьи дела.

Пришла холодная, Сибирская зима, с ее морозами, снежными заносами, пургой да метелью. Накрыло в ночь село пухлым, белым одеялом. словно все, где наследило лето, зима укрыть норвила, от лишнего глаза подальше. Мол, само за свое ответствуй, а я вон какая; чистая, светлая, любо-дорого поглядеть. И вправду; выйдешь на улицу – красота, да и только, хоть на право, хоть на лево смотри, все-то душа радуется. Белым- бело... Зима – одним словом.

Вот и Дарья, как-то, до колодца подалась. Колонка с водопроводом, что летом, по теплу, как часики работала, нынче возьми, да перемерзни. А наспех отогреть ее не получилось, да и морозец прижал не на шутку. Не бросать же стирку, коли воду и принести можно. Жаль вот только Василий улизнул куда-то, а то бы помог.

Там, у колодца, и встретила тогда проходившую мимо Стешу. Разговорились средь бела дня, словно век не виделись. Слово за слово, да и не помнит Дарья как случилось, что решила она Стеше, женщине чувствительной и страсть любопытной, всю свою историю поведать. То ли сострадания, то ли участия искала, сама не знает; словом, бабье это... Долго еще понимающе кивала Стеша головой, недоумевая; как же возможно такое? И верилось, и нет...

– Ну и страху же ты, бедняжка, должно натерпелась, а? Подумать только! Это откуда же напасть то такая? Ай, ай, ай, ну ты подумай, – все твердила она, охая, да вздыхая. Так вот и «прокудахтали» часа полтора, только и всего. Расставаясь с участливой женщиной, и не подумала вовсе Дарья, что видит ее в последний раз. Да коли бы знала тогда причину...

Как-то раз, в метель, сгинула несчастная, невинная Стеша бесследно. Искали ее всем селом, из сил выбились. С собаками, да на лыжах, почитай все окрестные леса обходили, даже милиция из района приезжала. Пурга тогда не на шутку разыгралась, все дороги да следы заборошила. Пойди, попробуй отыскать, когда ни зги не видно и ветер со снегом в лицо хлещет. Да и знать бы где искать? Тремя днями позже угомонилась, улеглась буря. Посветлел горизонт, белухой обнажив бескрайний простор, едва-едва только крыши домов и угадывались. Новые дороги, да тропы торить пришлось. Пропала Стеша. С недельку после бури, милиция все по селу кружила, искали долго Стешу. Так ни с чем и уехали. Лишь по весне, выбили теплые лучи из-под снега ее темное пальтишко. Так с узелком и нашли, знамо платье кому пошить несла, да в пургу с плотины в лог сошла – заплутала. В логу то метель, она кругами ходит. И человек, стало быть, за ней...

Хоронили всем селом, как и полагается. Пришла и Дарья проститься. Всем сердцем жалела она бедную женщину, к которой так неблагоприятно оказалась судьба. Ни детей, ни мужа не пощадила, ударила всей своей силой по хрупкому, людскому счастью. Осиротила семью, и кто виной, кому ответ держать?

С приходом теплых, майских дней обильно пошла в рост трава на лугах. Совхозные гурты, со всем поголовьем скота, перешли на летние пастбища и свободные от засева пары. Дойных коров стали выгонять в ночное и Николай, муж Дарьи, работал теперь то в ночь, то в день, поочередно меняясь с напарником. Он пас коров и, всю ночь напролет, по роду работы, был обязан находиться с табуном, не отлучаясь ни на минуту от голодного после зимовки стада.

Однажды вечером, собираясь уезжать на смену, он неожиданно для Дарьи, вдруг спросил.

– Так ты говоришь, две собаки тогда тебя испугали; одна черная, другая белой масти? И глаза большие зеленые? Так что ли?

– Да, а что это ты спрашиваешь? – Дарья тревожно посмотрела на мужа.

– Нет, это я так. Пришло что-то на ум. Сам не знаю, – отмежевался Николай.

– Ну я поехал, пора уж, – вдруг заторопился он, одевая на широкие плечи брезентовый, тяжелый плащ. В дождь он, кстати.

Утром следующего дня, муж пришел домой позже обычного и устало завалился в кровать. Отоспавшись, во время обеда, неожиданно для супруги он вдруг рассказал, что всю ночь ему не давали покоя две огромные собаки, с ярко горящими в темноте глазами. Поначалу он их даже за волков принял. Только вот коровы себя как-то необычно вели; вроде бы и не волки это, вовсе. Они разогнали и распугали всех коров, а исчезли лишь на рассвете. Лошадь, пугливо шараясь от бегавших поодаль собак, чуть было однажды не сбросила его на землю. Однако, будучи опытным наездником, Николай сумел удержаться в седле. Коров пришлось собирать по всей степи, вместе с приехавшими наутро напарником и бригадиром. Благо все животные остались целы.

– Ума не приложу, чтобы все это значило? – спрашивал Николай супругу, – да и коровы, обычно так не пугались собак, а напротив, норовили преследовать, интерес проявляли. Это в них есть. А тут?... Дело в том, – немногим позже продолжал Николай, – что я и вчера их видел, но они не подходили близко, а лишь издали бестолково кружили у стада, то и дело укрываясь сводами темных, березовых подлесков.

– Вот, вот! А вам все шуточки, – вскинулась Дарья, – интересно, чьи же они? Ведь наверняка должен быть хозяин в деревне.

Как ни странно, но Николай так и не смог ничего узнать о хозяине двух огромных собак. Никто их нигде не встречал и слышать о них не слышали. Особенно он не распространялся и старался держать подробности при себе, считая не нужным и пустым делом, трепать языком. О чем и жену просил; не к чему будоражить народ слухами. В селе и без того любая весть на подхвате. Что лист по ветру, развеет – не удержать...

Только вот о разгадке мечтать так и не пришлось. В течении всего летнего периода, собаки никогда больше не появлялись и не тревожили, ни лошадь, ни коров Николая, да и в поселке о них не говорили.

В то самое лето, одной из темных ночей и поведал Василий своим друзьям, эту невероятную историю, не придавая особого значения глупым тревогам и опасениям матери. За рассказом друзья не заметили, как рассвело и первые, бойкие лучи теплого летнего солнца, проникнув сквозь щели склада, вернули ребят в мир реальности; беспорядка и невообразимого хаоса. Словно повинувшись общей воле, они дружно принялись за работу и, уже в половине шестого стройные ряды аккуратно сложенных бумажных мешков, словно солдаты на параде, отдавали честь и радовали глаза усталых мальчишек.

Когда все формальности были выполнены, друзьям ничего не оставалось, как спокойно разойтись по домам, чтобы погрузиться в упоительно сладкий мир снов, после трудной, полной тревог и впечатлений, ночной смены.

То ли месяц миновал, то ли более; под осень уж, зашла к матери Василия как-то старушка в дом, из местных. Попросила напиток, да и говорит.

– Знамо дело, испугалась поди, аль храбриться станешь? – и зорким неподвижным взглядом уставилась на хозяйку, словно подать просила.

– Чего это я должна бояться, бабушка? – заинтересовалась Дарья. А она ей в ответ.

– Да как же, милая, ведь такие-то собаки по нашему селу не бегают. Аль неправда? Уж больно большие, да странные; не лают, не кусают, а вот испугать до смерти – это они могут...

У бедной женщины от растерянности только глаза и расширились; не знала, что ответить.

– Вот ты женщина, по всему видать, храбрая и не глупая, а то не соберись духом, да не погладь ее, кто знает, кто знает, чем оборотиться могло...

– От чего вы так странно думаете, бабушка? – Всерьез заинтересовалась словами старой женщины Дарья.

– Я, милая, сама через то прошла, а вот коли дозволишь, совет тебе дам. Не шепчи, дочь моя, про то никому; ни ребенку малому, ни котенку, ни лягушонку, дабы тот, кому поведаешь, поневоле сам с имя встретится. Не нами это выдуманно, не нам и судить. И, как знать, как знать, сможет ли эту тайну пересказать кому после?

Дарья слушала, затаив дыхание, забыв про все домашние дела. С ощутимой тревогой колотилось в груди взволнованное сердце, вероятно от жутких воспоминаний пережитого.

– Я, молодой тоже храбра, да отчаянна девка была. От того и сию сейчас перед тобой. Смекаешь, сколько времени то уж миновало. Сказывала про эту напасть, и я подружке своей; не смогла стерпеть, смолчать, захоронить в сердце. Не сразу пришла к тому, что об этом говорить нельзя. Пропала через то моя подружка; по половодью в болоте сгинула, только приметну белу косынку на цепкой осоке и нашли. Кто ее затянул в то болото? Поведать то и некому... С того уж много лет миновало. Замолила я тогда вину свою, заглушила боль: ни детям, ни мужу о том страхе не говорила. Милиционеры из района дознавались; подружки никак. Смолчала, дабы беду отвести. А ты, по всему, не ведаешь и не смекаешь, почто Стеша сгинула?

Дарья вскинулась, присев от неожиданности.

– Вот то-то и оно, милая, то-то и оно, – продолжала бабушка, поправляя и потуже затягивая на голове старый выцветший платок.

– Стеша в тот вечер ко мне приходила, платье покроить. Сулила ей давно уж, летом еще. Тогда она мне о собаках и рассказала. Тебя все жалела. Просила я ее никому о том случае более не сказывать. Далее сама знаешь, как вышло... А ты вот от чего с имя встретила, голуба? – вот мой вопрос, по что тебя избрали? Теперь выходит двое нас, кто об этом страхе ведает. А может статья и третий, кто тебе рассказал.

Дарья насторожилась, не сводя пугливых глаз со старушки.

– Да я, бабушка, сейчас и припомнить то толком не могу; ни о чем подобном я и не слышала, а скорее может просто не придавала значения, вот и не припомню. Но если вернет память, так непременно скажу вам. А откуда они вообще взялись то могли, собаки эти? Вы то, бабушка, должно знаете?

Старуха внимательно посмотрела на Дарью, словно сомневалась; поверять ли ей свои тайны, или просто предостеречь.

– Ты бы свечу зажгла, темно уж, глаз твоих не вижу.

Дарья тут же засветила лампадку; едва высветив тени углов, комната ожила. Шамкнув пару раз пустым ртом, бабушка внимательно посмотрела на хозяйку и продолжила.

– Время забывчиво, милая, как и люди, не помнящие добра. Не ворошишь память, не теребишь ее воспоминаниями, так она и запомнить готова, что скопила, за бытность свою. Природа- матушка любит во всем равенство; и добро, и зло вокруг кружит- не ведомо; кому, чего и сколько отмерено будет...

Дарья слушала с вниманием, отложив дела на потом, благо и побеспокоить их некому: муж на работе, а Василия в эту пору с «фонарями искать...»

– Ладно, так уж и быть, поведаю тебе об этом, коли сама через напасть лиха хватила. Оборотни это! Да, – оборотни...

Глаза у Дарьи так и расширились, больно уж просто, без пролога, выразилась бабушка.

– Две старухи это. Колдовством они людей изводят; зло у них на народ; должно за долгую жизнь накопили. Вот и дают волю ворожбе, да страху. Сильны, да изворотливы они, не найти на это управу. В одном селе живем, наверно смекаешь о ком речь веду?

Дарья, женщина чуждая до беспочвенных подозрений и обвинений, почему зря, и в мыслях не держала; на кого-либо камень класть. К тому же и сама возможность проявления чего бы то ни было сверх естественного, никак не умещалось в ее простой, обремененной житейскими заботами, голове.

– Да нет, бабушка, я не знаю – только и вымолвила Дарья, теряясь в догадках.

– Мать то, с дочерью своей. Сама мать – бабка старая престарая, древняя, можно сказать, уж поди сотый годок разменяла, а все земля-матушка у нее в свидетелях. Да и дочь уж стара годами; постарше меня будет, много постарше. Так вот, говорила тогда мне бабка, ну через которую и я со смертным страхом лицом к лицу столкнулась, царствие ей небесное: якобы сама когда-то тому очевидицей была... Как только загоралась свеча, в высоко срубленном окне дома, где жила старуха-мать, сразу же, со двора в темноту пугающей ночи, две страшные, огромные собаки выбежали. Одна белой масти, вся как есть. Другая, напротив, как смоль черная. И всю то ночь, до света, вокруг села, да по болоту шастали. Не приведи встретиться, кто нервишками слаб. Сказывала бабка; коли одну белую собаку повстречаешь – то знать смерть вокруг тебя ходит, чья неведомо, но в свидетелях быть доведется. Шарит смерть, кого забрать... А черная, она видом своим страшна; глаза у нее человеческие. Но вот коли обеих в одночасье встретишь; знать они знак какой подают, а то и жертву метят, или предостерегают, предупредить норовят, то ли от шага неверного, то ли еще от чего? Вот и я, упредить хочу, чтобы ты поостереглась. По что они на тебя запали?

В продолжении столь необычного рассказа, Дарья даже не пошевелилась. Ее взволновало и немного испугало услышанное, однако она с интересом вслушивалась в тревожное повествование; как никак – это напрямую касалось ее.

Бабушка продолжила:

– Да только вот свеча в окне их дома гасла, когда по темну еще, обе собаки во двор вбегали и словно кто за ними калитку затворял. Но не ведомо никому; в какое времечко они с дьяволом общаются. Только вот изводят они через то, души невинные, пугают людей – это правда.

– Да почему же вы властям об этом не заявите? хоть какие-то меры принять можно, – вступилась Дарья.

– Да кто же, милая, слушать то будет, поверит в бред такой? Да и что говорить? Может то, что мне старуха покойница передала. . . Ни следов, ничегошеньки нету. Милиция, ноне, только отпечаткам и верит. Бумага и та, вон, без отпечатка не действенна, а тут одни слова? Или ты, девка, в свидетели пойдешь, расскажешь, что да как? Молчишь. Вот то-то и оно, то-то и оно. . .

Немного замешкавшись, Дарья предложила бабушке чай. Та, согласилась и повела рассказ дальше:

– Послушай милая, чего скажу тебе, коли уж коснулись этого. В девках я тогда ходила, почитай каждый погожий вечер на сельских тачках пропадала. Раньше так вот танцы звались, да игрища разные, что там молодежь устраивала. Словом, за селом, на бугре, как только скот по дворам разойдется, залиvisto да звонко пела гармонь. Дома, на печи, не усидишь – дело молодое. Телевизоров как ноне не было; все сплетни там. Ноги сами несли, что тут поделаешь, молодость. . . Стариков и тех, иной раз, бабы с прутами да поленьями домой от кострища гнали, захмелевших уж бывало то ли от дыма угарного, то ли от игривой, пьянящей бражки, что завсегда в изобилии водилась, то ли от молодых, полных задора девчат. Уж больно бойко отплясывали девки польку да кадрили. Сама я такая же была, в пляс сходились с соперницей. И не могли деды объяснить своим назойливым старухам того душевного подъема, каким разила их молодежь наповал. Ох и времечко было, скажу тебе, не то, что ноне в клубе: все по углам жмутся, словно боятся наступить друг на дружку, кабы не с одного села. Али кто их на канатах туда притянул. Граммофоны разные, ансамбли придумали; шум один, и куда только бойкость подевалась?

Бабушка уселась поудобнее, отхлебнула ароматный чай, поставленный хозяйкой – помолодела от жара воспоминаний. Участливо подозвала сесть поближе Дарью. Та внимательно слушала.

– Однажды ночью, когда почитай и осталось у костра человек десять, а то и менее, самых бойких, непослушных парней, да девчат и закружилась вся эта карусель. Домой идти не особенно хотелось, да и утро вот-вот. А летом, сама знаешь, уж в половине четвертого светает, хоть коров выгоняй. Мы тогда, с подружкой и вовсе не расставались, день и ночь; всегда вместе. А вот в то, что расскажу тебе сейчас – верь, потому как я сама тому очевидица. Сидели мы вокруг у кострища, кто на чем; один дерюжку старую из ближайшей баньки, озорства ради, притянул, другой охалку душистой пшеничной соломы подстелил, а кто попросту на чурке березовой. Главное – костер, а он греет, надоедливых комаров отгоняет, тепло от него как от милого дружка. Говорили про разное; шутили, смеялись, целовались утайкой, за руки друг друга держали, отпустить боялись, так вот по родному близко все было.

Самое невероятное, как и всегда бывает, случилось совершенно неожиданно. Вдруг, из окружавшей поляну темноты, в нашу сторону, медленно так, колесо из-под телеги, одиноко катит себе, словно бы его толкнул кто на нас. Шутников то полна деревня. Вот и не приняли всерьез, расступились в разные стороны, отошли от костра. А оно, поворачивает и, медленно так, снова на нас накатить норовит, вроде бы, как и на горку даже. Да не может же такого быть, ведь каждый знает, что колеса сами не ездят. Тут кое-кого просто страх взял. Нечистая. . . Бежать кинулись. Человек пять нас, храбрецов и осталось; трое ребят, да мы с подружкой. Отбежали от колеса всем скопом, жмемся друг к дружке, что овечки и глядим, затаив дыхание. А оно, без скрипа какого, тихо опять-таки в нашу сторону воротит и, вроде как, сила какая невидимая им правит. Нас девчат совсем страх взял, дара речи лишились, лишь пустые рты в темноту выставили, за ребячьи спины заткнулись и дрожим. А парни то, скажу тебе, и сами, что оттаявший студень телами задвигали, трясутся. Один из них, что похрабрее и находчивее остальных оказался; ухватил лежавший поодаль осиновый кол, да приткнул колесо к земле,

упершись ногой в самый обод. Тут и другие подоспели. Так вот кол и оставили между спицами до зори в земле торчать.

А домой все же не пошли; боязно поодиночке, а всех за раз не проводишь. За разговором наперебой – глядь, да рассвет тут как тут. Утро прохладой дышит, а болотистая балка, где та самая тропа тогда уже пролежала, в предрассветные часы напрочь густым туманом затянута была. Гляди как бы лбами не столкнуться:

– Смотрите! – вдруг выкрикнул кто-то, указывая рукой в сторону накрепко прищипленного колом колеса. Не поверишь, милая, а вот только на месте колеса тележного, старая престарая бабка лежит; калачом таки свернулась, скручена вся, словно от мук нестерпимых. Руками колени охватила, аккуратно вокруг кола осинового, что ребята в землю вбили. Ахнули мы было; небось покойна... Ан нет, поднимается, таки, да все спиной к нам, спиной норовит. Так и не признали; кто такая... Да и темно еще было, только-только рассвет забрезжил. Встала старушонка на скрюченные, слабые ноги, да в туманную балку так и ушла, ни слова, ни звука не обронивши. Рассказывала позже историю эту; кто, раскрыв рот слушал, кто смеялся залиvisto, да только мало кто верил. Вот и ты, Дарья, не поверить можешь. Дело оно такое; каждый свою веру и правду при себе носит, в душе хоронит до той поры, пока с другим поделиться нужда не приведет. А я, через то, подружки любимой лишилась. Она и в ту ночь шибче всех верещала – боязливая была.

– А не боитесь вы, бабушка, мне эти истории рассказывать?

– Стара я уж, девонька, страх то он вышел весь. Так вот ты и слушай. То ли годом, то ли двумя позже; под осень уж, точнее и не припомню, – продолжала захвативший Дарью рассказ бабушка. Завороженно следила хозяйка за ее иногда сбивчивым, но лаконичным и стройным повествованием. Словно открывала для себя доселе неведомый и странный мир. И порой, тревожно выстукивало сердце, следя за живыми, должно, как и в молодости, глазами бабушки. Ей невозможно было не верить.

– Однажды, когда и сами-то уже и думать о том случае забыли, провожал меня домой с вечеринки один славный парнишка. Любовь у нас была, сама знаешь. Все это почитай до той большой гражданской смуты было. Тогда много наших мужиков за зря, а может и не за зря, посекалось. Кто их тогда рассудить мог. В живых остался, так и рад. В ту лихую годину и я своего Пантелея потеряла. Значится возвращались мы уж поздно с ним. Ни огня тебе, ни звездочки на небе. Куда идешь не знаешь. Ноги только и цеплялись о бугры, да кочки. Идем, стало быть, рука об руку задеваем; об самих себе только и думаем. Вон оно как было. Наша дорожка в аккурат мимо старого покосившегося домика той самой старухи и пролегла ненароком. Ну шли бы себе, казалось, и шли, ан нет. Послышалась нам тогда, словно где-то, рядом совсем, свинья похрюкивает. Ну попутать свинью с кем-либо ни в коем разе нельзя. Чуть далее пройдем; опять за спиной, вроде как свиное чавканье, да хрюканье слышится. Тьма кромешная. Ну, думаем, мало ли кто кабана на ночь на подворье не загнал. Их вон, сколько по селу день и ночь шастает. Все лужи так пятаками и распахали. Да и потом, не может же обоим послышаться. Это и насторожило нас тогда. Остановились. Вроде, как и нет никого. Тихо... Не то, что-то, а понять не можем. Свинья, она хоть и умное животное, но глупостью своей себя всегда выкажет, таиться не станет. Запалил Пантелей спичку, да назад шага два сделал; посмотреть, что да как. А я держусь за его локоть, боязно стало, хоть и не из трусливых была. И тут, из темноты, прямо к свету погасшему уж на половину, лохматая такая, да ужась страшная свиная рожа высовывается. А глаза то у свиньи той большие да синие; одно слово – чужие глаза. Мало я что ли, свиней за свой век выкормила. И тут спичка погасла...

Заорала я тогда во всю свою моченьку, затряслась телом. Подхватил меня Пантелей на руки и бежать вместе со мной. Все одно куда, лишь бы подальше от места этого. Остановились позже. Успокоил меня Пантелей, а сам дышит тяжело, то ли от бега натужного, то ли от ужаса этого. И я туда же; дрожу, клешом вцепилась в него, не оторвешь. Тогда-то у нас вер-

ная любовь и зачалась... Да что уж там. Не своей смертью он сгинул, до сих пор сердце саднит. Только под утро и расстались мы с Пантелеем... А следующим днем, подозвал он меня одну, чтобы без подруг, да и говорит: «Как с тобой расстались, так я и подался обратно. Слышу вновь хрюкает. Спрятался за кустом акации. Колючий куст, но стерпел, не до этого. Так вот и выследил. Видел я ту свинью вчера еще раз, только совсем в ином обличии. На глазах моих, у самых ворот того дома, отворилась калитка и неведомо как в нее старуха входит. Только вот свинья была, и тут уже старуха. Жуткое зрелище. Убежать хотел, да ноги в землю вросли от страха. Никогда со мной такого не было. Светало уж, хорошо разглядел».

– Так кто же это был? – спрашиваю.

– Чиничиха это старая, – говорит, – Шастает ночью по селу в свином обличии, народ пугает, страх наводит. А поди скажи, докажи, на смех так и поднимут. А ну ее к лешему...

– С того дня и поверила я, милая Дашенька, что ведьма в селе живет. По ночам, с той поры, редко куда хаживала. Однако кому не рассказывай – народ все одно, не верит. Не ужалено – не болит; так- то оно, доченька. А за зря они себя не кажут. Только помни про уговор наш. Поведаеть кому, с тем то же самое случится может, а молва пойдет, то житья народу не станет. И без того, сколько уж от беды этой сгинули. О лишнем, дочка, не спрашивай и сама не терзайся, забудь и все тут. Живи с Богом, да помни наказ мой. А ослушаешь, то себя, али ближних своих перед погибелью выставить можешь, а это беда великая, милая. Ну живи с миром, пора уж мне, засиделась...

С тем и ушла. Долго еще, после того странного визита, жила Дарья в тревоге, боясь за мужа и сына, которым все рассказала. И должно верно ее старуха остерегала. Боялась Дарья за Ваську, который вряд ли всерьез воспринял историю; сболтнет еще кому. Просила его забыть и не вспоминать больше...

Глава третья

Письмо

Огарок тусклой свечи, что едва освещал утварь скудно обставленной, затемненной комнаты, кидал по сторонам таинственные блики. Порожденные коптящим пламенем огня, мерцающая и дрожа, они громоздились вверх по задернутым шторам окон, пугая причудливостью форм и очертаний. В эти тревожные, ночные часы ничто не могло пробраться сюда, никто не смел помешать тому таинству, что вершили души столь же странных обитателей тесного, скрытого от людских глаз, мирка. На дворе, сверкая полным диском, плыла чуть подернутая призрачными облаками, луна – соглядатай ночи.

Тихо зимой на селе; делай что хочешь, время словно застыло. Лишь потревоженный цепной неволей дворовый пес, нарушит иной раз покой темноты, а то и до самых петухов случается тишь. Выйди со двора – снег заскрипит; только себя и слышишь. Беседуй, говори, только тихо – эту тайну ночного мрака могут слушать; что бы это безмолвие значило, на какой злой умысел наводило? И вообще – безмолвие ли это?..

Агриппина не ждала письма; в ее уединенной и замшелой, как казалось сельчанам, жизни, почтовый ящик, как атрибут и вовсе без надобности. Она и знала-то всего на всего один путь, одну стежку-дорожку, коей и вязала ее судьба с единственной, живой пока что, мамашей родственной. Стара сама уж годами стала, а о матушке и сказывать не к чему; одним словом – древняя старуха, с памятью времен вековой давности. Уж лет пять, как за сотню годов перевалило. Здоровьишко не особо баловало, да и смертушка, что уж в эти годы ласкательно зовется, не шла и все тут. Одно странно; даже самой Агриппине так казалось – память у старушки не отшибло, а вроде бы даже наоборот; просветлело сознание, словно даль осенняя – до горизонта видать. И все то она могла достать, да выудить из старческой ссохшейся головы. Верно было ей два века думать отмеряно. Хоть и стара уж больно, да только вот силы откуда черпала – неведомо. Почитай и была Агриппина ее единственной и любимой дочерью, остальные уж давно как простились, уходя в мир иной. С ней она почти всю старость, не разлучаясь, и проводила. Потому как к делу своему, еще при ее молодости, пристрастила; дабы не утратить, не утратить того, что в трудах, людям неведомых, постигала... Жили-ворожили, что называется, душа в душу. Таились от взгляда людского – завистливого, да глазливого. Ни к чему глупость народная, в делах тайных и мудрых...

От мужа своего, Терентия Захаровича, добра старуха Чиничиха с молодости своей не знала. Все то он; то пьян, то буян. Колотил ее и по делу, и без дела; почитай от побоев и продыху не было. Ненавидела его – ирода, всем сердцем. И даже от себя отвела; дочь от другого нажила, дабы кровинки его на этом свете не осталось. Вот с таким сокрытым грехом, да потаенной ненавистью и жила с разнелюбым. А дочь свою, напротив – любила безмерно. Чиничиха, в ту пору, и знать не знала, какими делами промышлял ее покойный муженек. И не узнала бы до сих пор, если бы не внук Петр, который жив оказался. А пока только письмо и пришло в дом ее дочери. Неизвестно откуда и от кого? Все сургучными штампами, да печатями скреплено.

Засветив одинокую свечу, Агриппина с трясущимися руками, вскрыла столь загадочное писание. Недоверчиво, еще разок, бегло взглянула на адрес: не ошибка ли почтальонши. На конверте значилось ее имя и отчетливо, как по батюшке – Терентьевна. Да и фамилия была абсолютно верно написана. В селе двойников не проживало, кроме родительницы. Не стерпев, вскрыла наконец-то послание. На нем хоть и значился обратный адрес, но стояли лишь цифры

да инициалы писавшего его, однако же старому человеку этот факт абсолютно ничего не проработал.

Письмо было написано мелким почерком, с обеих сторон листа. Поглядела Агриппина на приписку в конце; так и ахнула! Одно лишь имя – Петр, которым было все изложенное подписано, враз подкосило ее слабые, исхоженные ноги и чуть было не лишило рассудка. Уронив обессиленное тело на табурет, она с трепетным волнением приблизила к себе письмо; потянула его запах, прижала к лицу. Оно было от сына. Он никогда в жизни ей не писал. Уж почти четверть века минуло. Убитым его считала. Наверняка так уж и должно было тогда стать. Ведь за убийство его милиция забрала; родного деда, внучек, что называется, в преисподнюю спровадил, а вот что, про что, ни Агриппина, ни мать ее, ведать не ведали.

На суде тогда, так толком и установлено не было; за что Петр в тайге человека жизни лишил, хотя тот и отрицал все. Фактов, свидетельствующих об убийстве, улик и разных вещественных доказательств, обвинители совсем мало на суде предоставили. А вот алиби, Петр так и не сумел себе обеспечить. Свидетельские показания оказались вескими, и сыграли против него роковую роль. Районный суд вынес решение – виновен. Так, после всех разбирательств, ему «вышку», как в простонародье говорили, и приписали. Увели из зала суда; более мать о своем сыне ничего не знала и не слышала.

Выплакала Агриппина свою материнскую душу до суха, еще более с колдовством, да ведовством сблизилась, дабы от злых людских глаз подальше. Поддержки она тогда от людей не искала, напротив; возненавидела их еще пуще, за сына единственного, загубленного по их воле. А ведь Петру и было в ту пору всего-то двадцать пять годочков. В самый раз доброй девкой обзавестись, да радовать внучатами мать старуху. Ан нет! Народ по-своему рассудил. Да коли бы уж посадили годов на десять и то, не та в душе печаль, не та боль в сердце, а так ведь напрочь, под корни подрезали. Как она то трудное время вынесла, одной матушке и ведомо; все в тумане... Родительница выходила, на ноги поставила; то ли силы свои в любимую дочь вкряпила, то ли еще что вложила в душу, почти уж бездыханную.

Время шло, а глухая, безысходная тоска по сыну осталась, где-то в глубине материнского сердца занозой сидеть. И это письмо, что держала она сейчас в трясущихся, старческих руках, обдавало ее ощутимым внутренним жаром и огнем жгло сердце, словно отыскивало в ее тайниках и вынесло ту занозу, горячим потоком по крови, донеся до каждого чувственного уголка ее иссушенного временем тела, радостную и счастливую весточку – ее сын жив...

Едва сняв с себя глубокое оцепенение и, отняв наконец, столь желанные бумаги от ветхой, плоской груди, Агриппина буквально впилась глазами в строки написанного:

«Здорова ли будешь, дорогая Мамаша!? – так, по родному, приветственно и спокойно, словно за эти долгие двадцать пять лет и не произошло в жизни ничего значимого, начиналось его повествование, – Привет тебе от сына Петра, коли жива, здорова будешь, а коли нет, то видать и не судьба нам свидеться на этом свете. Ну а на том нас и так сведут, не обойдут за грехи наши. Это уж так поверь... Только вот пишу я вовсе не для того, чтобы тебе в них исповедоваться. Как уж я жив остался, то особый разговор. После, коли увидеться доведется, то и расскажу все, как и что со мной проделывали. А сейчас хочу, Мамаша, тебе самое главное разъяснить. Не стал бы этого делать; грех на мне все одно останется, да только не этого я боюсь и не расплата меня страшит, а вот уж так вышло, что деваться мне некуда. А коли в душе, что на меня держишь; ведь не давал о себе знать всю жизнь почитай, то уж не гневайся – не на мне одном за то вина. Сама должна понимать: кем и в качестве кого меня забрали, и где содержали все это время. Ни пожать, ни поспать, ни отдышаться. Одно слово – «каторга». Били, убивали – все было... А вообще-то срок мой, Мамаша, уж почитай истек в полной мере. Так что по осени вернусь, коли дождешься. Однако вот только одна оказия вышла.

Посему, прежде чем продолжать далее, покаюсь я перед тобой, да перед бабкой своей, покойной должно уж; за то, что мужа ее убил. Хотя как знать, могло случиться, что она мне

и спасибо за это сказала бы. Терентий ее уж душегуб был настоящий, хищная душонка, о том лишь я и знаю. Довелось ему однажды со мной перед смертью пооткровенничать. А перед тобой повинюсь за то, что тайну одну хранил; все для одного себя берег, а здесь, за столько-то годочков, давно уж понял – зря... Убьют, не ровен час; как еще только не порешили до сего дня. Пропадом тогда, прахом все пойдет, ведь одной земле, в конце концов, и достанется. Не выкарабкаться мне из этой ямы; не отделаться от тех двух дружков, которые все же по своим особым каналам, через много годков спустя, за дружка своего, что их «паханом» оказался, счета свести заявили. Пахана этого, еще на зоне, я жизни лишил... Тогда у меня и выбора особого не было. За него мне и срок намотали. На этот раз они меня сильно прижали. И вот чтобы оставили эти нелюди, до поры, меня в покое, пришлось им одну историю рассказать. Так что теперь я с этими «гнидами» крепко повязан. Да вот одно обидно; срок уже отбарабанил, в самую пору утихомириться, и жить себе... Довольно уж нахлебался, а тут эти «друзки» навалились. Словом, нет мне передыху, родная... Не поймешь ты меня, пока не расскажу, что я замыслил. А уж коли выгорит мой план и от этих мерзких тварей нам с тобой отделаться удастся, то заживем с добром...

Подробнее о делах мы с тобой позже поговорим, когда увидимся. Освободят, сразу к тебе приеду, дел много... На этом я с тобой прощаюсь. Твой сын Петр».

Глава четвертая

Откровения Петра

Хлынула половодьем весна, расшевелила нетронутую, дремавшую среди Забайкальской тайги, полусонную округу. Напилась Земля досыта. С окрестных, полуголых, гористых холмов да увалов, в поросшие лесом долины, устремились обильные талые воды, образуя ручьи, да речушки. Собирались, копились по крупицам силы, сливаясь в мощный, неудержимый поток, уносившийся в бурлящую даль, kloкочущих порогов и водопадов, подмывая скалы, сокрушая вековые ели и сосны. Питалась сошедшими снегами округа. На равнинах, болота и озера были полны водою донельзя. А она все прибывала, словно поила землю впрок; на долгое, засушливое лето.

Ласковое прикосновение весны ощущалось и здесь; на далекой, заброшенной, забытой всеми зоне, где отбывали свой срок заключенные. Каждый за свое. Сидя за решеткой, острее и нестерпимее саднит сердце и рвет истрадавшееся, намученное тело и душу на части. Безысходность и претящее до противного чувство задавленной, загнанной в угол личности, плюет в душу каждому, кто влачит здесь долгое, тяжкое, несносное существование.

Как гибнущая, больная птица, лишившись полета, опускает обвислые крылья, в ожидании неизбежного конца, так и человек- узник, лишенный воли, уже не ищет выхода, а обреченно увядает, уходит в себя и чахнет... Потеря смысла жизни пишет на многих усталых лицах ужас. Понуро смотрящие глаза, молчаливо таят трагизм и боль пережитого. В одном взгляде смирение и равнодушие, в другом убитая, почти не видимая, полу потухшая искорка непокорности и злости, рожденная тупой болью безысходности. Однако, иной с огоньком внутри, знать живет надеждой, имеет цель. Вот и горит огонек, теплится одиноко; дадут ли разгореться, разыграться, ощутить свободу, не загасят ли совсем?..

Давно уж горит огонь в глазах и душе Петра. Да вот беда; сам же его и гасит... Гасит как может; нельзя ему гореть, не время... Запылай раньше – всему конец; не унять, не удержать его истрадавшуюся по воле душу; не обуздать пламя. Необъятный то огонь, шквальный, на выдержке настоящий...

Давно сидит Петр; помнит все и знает всех. За столько-то годочков. А вот срок так и не скостили. По полной отсиживать пришлось. Уж так не терпела душа, словно чуяла – воля, вот-вот... Срок на исходе. Знал Петр, всего себя к этому готовил. Все чаще уносились его воспоминания в далекое прошлое. Оно хранило многое... Заставляя занимать голову, Петр ясно, до мельчайших подробностей прорабатывал всю свою жизнь до тюрьмы; на воле. Сравнивал и сопоставлял твердые исторические факты, с фактами из своей и дедовой биографии. Строил полную картину происходивших еще тогда, в Гражданскую войну, событий.

Сейчас, одно важно – движение к цели. А что бы не мешали, нужно все основательно продумать, рассчитать и переоценить. Время есть. Сам в порядке. Значит пора браться за дело...

Деда своего, Терентия Захаровича, Петр хорошо знал еще с детства; и он, и бабка его, и мать; все им колочены были. Злодей – не высказать. Да и какой он ему дед; как выяснилось позже, не дед он вовсе оказался...

Терентий, в ту пору, в банду атамана Войтовича, что под Колчаком ходила, подался. Позже и Пантелея, дружка своего, подтянул. А тот, должно толком и не понял за кого идти, на чью сторону встать. Вроде и те и другие землю сулят, не то, что при царском режиме. Перешел Пантелей на службу к Колчаку, уступив уговорам прозорливого Терентия; земляк все же, доверять-то кому более. Вот так и довелось им вместе под родным селом стоять. Не долго,

правда, попиrowала банда. Курей да поросят, почитай, не осталось в поселке. В скорости и Красные нагрянули. Вот там, на «Красной поляне» и сошлись... Бой был долгий и страшный, как сам Терентий рассказывал. Много голов посекали. Земля там сквозь той кровью пропиталась, теперь то не приметно уж, только вот сенокосной с той поры эта долина стала. От того и пошло название жуткого места – «Красная поляна». Красные тогда верх взяли. Тех Белых бойцов, что чудом в живых остались, расстреливать не стали. Да оно и к чему: заблудились мужики рассудком, одно слово – крестьяне. Тогда даже партизан под пулеметами в Красную Армию рекрутировали. Время такое было; Красные комиссары им просто другого выбора не оставляли. Словом, пополнили свои ряды быстрее чем новая зорька над истомленной округой встала. К ним и попал Пантелей Лебедев. В Красные записался, коли уж прижали. А вот с Терентием дело посложнее вышло...

Обозники, коих Красные тогда, во время боя, к роше прижали, почти все погибли. Один Терентий чудом спасся. Лошадь в упряжке, под бричкой, гнал до изнеможения, не жалея; лесом к тайге рвался. Удалось уйти. Так вот там, в тайге то, должно и схоронился на время. Пока страсти поулягутся, да разборки над пленными пройдут. Затаился мышью в лесу. Красные его бегство и не заметили. Пантелей, поначалу, посчитал товарища погибшим, хотя среди убитых не отыскал. Когда его самого в плен брали, он в последний раз то и видел Терентия среди обозников. Все верно; он тогда был к ним приписан.

Будучи еще под командованием атамана Войтовича, Пантелей часто обращал внимание на суету, какая среди обозников, в отряде происходила. То атаман с охраной что-то выяснял, то отгоняли всех, кто к бричкам из любопытства лез, а охранялись они тщательно; накрыты брезентом и все тут – не сунешься. По всему было видно и в том Пантелей почти не сомневался; что какой-то важный груз везли. А отряд Войтовича, вроде охраны, для его сопровождения приписан был. Ведь продвигались лесами от поселка Тайга, вначале на север, а далее на восток, в сторону Ачинска. Куда следовал отряд конкретно, он не знал; да и не его ума это дело. Одно факт – торопил всех последнее время атаман, словно Красные по пятам шли. Так оно тогда и вышло...

Знал об этом и сам Терентий, потому как при обозниках служил. Почитай со всей охранной ладил, имел, что называется, подход нужный, та еще сволочь была, бранился в душе Петр, вспоминая прошлое. Закралась как-то в душу Пантелея одна подозрительная мысль. Въелась сажей в кожу – не избавишься: «А не с той ли самой обозной бричкой и ушел Терентий в тайгу? Верно рассчитал, что от Красных ему надежнее негде схорониться. А с добром, и тем более; лучше подальше от людишек держаться».

«Значит рано или поздно объявится», – думал Пантелей, все более уверяя себя в этой мысли. А куда ему? В тайге то долго не высидишь. Красные в ту пору на постой встали. Должно приказа не было наступать. Строили наблюдательные вышки из толстых лиственниц, словно на века их власть пришла.

А коли уж закралась Пантелею едкая, червоточная мысль, то будучи до жути пытливым, по природе характера своего, он и далее по поводу загадочного исчезновения товарища, смекать начал: «Выходило, что ежели часть груза атамана Войтовича теперь у Терентия, то о существовании таинственной подводы, знает только два человека; он и его скрывшийся в лесах земляк». Пантелей, разумеется, командиру Красной армии, где он к тому времени закрепился, ничего о существовании исчезнувшей подводы не сказал. Однако хорошенько приметил в памяти одну важную деталь. Ее то знает он один. И если ненароком Тереха заявится, а Пантелей был в этом уверен, то будет о чем с ним потолковать...

Двумя неделями позже, отряд Красных получил приказ продвигаться далее на северо-восток, в направлении Ачинска, преследуя отступавшие части разрозненных Белых воинских формирований. Основной стратегической целью Красных тогда было одно; не давать против-

нику группироваться для возможного создания ударного кулака. Раздробить их по тайге, измотать, лишить надежной связи и какой-либо значимой поддержки.

Пантелей давно ждал ночного гостя. И он явился. Светало уж, когда, прошмыгнув незаметной тенью, Терентий тихо постучал в окно; разбудил старого приятеля. Тогда Терентий слезно просил Пантелея по душам поговорить с Красным командиром: что бы тот, взял его в отряд. Сослуживцы все же, вместе жили, воевали. Ссылался на то, что был ранен и, боясь расстрела пленных, бежал в тайгу. Рана то так, пустяковая – царапина. Скитался неделю, но все же решил примкнуть к Красноармейцам. И ежели командир простит его, то он хотел бы вместе с конем пополнить состав расквартированного в селе отряда. И далее уж будет с Красными, потому как верит в их правое дело, а служить обещает достойно.

Долго земляк не решался. Шутка ли; за бывшего Колчаковца заступаться. Сам боялся; командующий суровый, не ровен час, обоих в расход пустит, ежели что худое приметит. Да и побаивался Пантелей; не наследил ли Терентий в суматохе. Сам то он тоже еще, нет-нет, да ощущал на себе косые, недоверчивые взгляды новых сослуживцев. В бою еще вместе не были, да бы проверить всех вновь примкнувших; не перебежчики ли, а людская душа потемки; доверий не доверяй, все одно сразу не разобрать.

Пантелей, однако, дал понять Терентию, что окажет ему такую поддержку, поговорит с командиром. Земляк в ответ побожился не забыть его услуги и коли что, так отблагодарит сполна: «Жизнь военная она такая, сегодня у меня беда, а завтра глядишь тебе вдруг туго придется», – высказался Тереха. Только вот не о воинских лишениях, в эти минуты, думали два сослуживца, а об одном и том же свершившемся факте: «На войне, брат, держаться друг друга надо», – добавил тогда приятель. Остальное оставил при себе...

Сдержал Пантелей слово и, уже через сутки, шагал довольный Терентий вместе с отрядом на восток, сердечно радуясь, что обошлось все, как нельзя лучше. И лишь один Пантелей, понимал тогда, что не только этому радовался земляк. Он знал, просто был уверен, что кроме них двоих, тайна обоза никому не открыта. И лишь Терентий, улыбаясь шепелявым ртом, по-прежнему считал, что он и только он, единственный владелец таинственного груза, которого в его отлучку так никто и не хватился.

За недели, что скрывался Терентий в тайге от возможных преследователей, он так и не смог открыть, оказавшийся на той подводе, добротный сработанный, старинной работы сейф. Спасаясь бегством, он и представить не мог, что за его спиной упакован секретный груз атамана Войтовича. В конце концов Терентий успокоил себя тем, что займется этим позже. А сейф надежно спрячет до поры. И коли уж Красные не хватятся, то и сокрытый в глухом, недоступном лесу тайник, стало быть, его добыча...

Однажды на привале, после затяжного и трудного перехода через Качинские болота, командир, собрав все передовые группы бойцов, растянувшегося по тайге измотанного отряда, обратился к Красноармейцам с воодушевляющей речью. Долго говорил; все по делу, все правильно. И вдруг, так внезапно, словно он один и ждал этого удобного момента, попросил бойцов, какие сражались тогда на стороне одного из разбитых Колчаковских отрядов, зайти в его палатку. Речь шла об исчезнувшем обозе, который тщательно охранялся Белыми при отступлении, просил немедленно и добровольно сообщить о всех фактах, имеющих отношение к этому делу. Свидетелей и очевидцев тогда не нашлось. Однако, Пантелей не преминул тут же воспользоваться этой ситуацией. А коли не захочет земляк поделиться с ним, то припугнуть можно: теперь само-собой, найдется чем. Терентия тогда словно обухом по голове; как только устоял. Ходил он настороженно; а вдруг да знает кто-нибудь, что и он при том обозе служил, или еще чего припомнят. Примерялся хитровато, то к одному мужичку, то к другому; с беседами да расспросами лез, дабы уверенней себя чувствовать: «Врете мол, не взять вам меня. Не знаете ничего. Не ваше это – мое...» И действительно, кроме Пантелея, некому было, в ту пору, Терентия напугать.

– Ну так как, Тереха, пришла пора тебе меня отблагодарить, я так думаю, – начал было Пантелей, отойдя с приятелем немного в сторону от лагеря, где им предстояло встать на ночлег.

– Да ты же знаешь Пантелей, я тебе всегда благодарный буду, – недоумевал поначалу Терентий. Хотя тут же неуютным, колким ежом закралась под полу тревожная мысль, жаль вот только времени для размышлений совсем не осталось.

Пантелей продолжал:

– Э, друг! Вижу тебя так просто, по-свойски, не проймешь. Не смекаешь ты, по жадности своей, видать. А уж коли уговоры нашего командира на тебя не подействовали, то я на нужный путь и наставлю.

– О чем ты, в самом деле? Не пойму я что-то, – по-прежнему, разыгрывая недоумение, тревожился Терентий.

– Так и не смекнул? Так вот, – после некоторой паузы, навязчиво подступил Пантелей, – Есть у меня к тебе одно выгодное предложение. Коли в согласии будем, то и при барышах останемся и жалеть потом, я думаю, тоже не станем.

У Терентия от видимых намеков, во рту пересохло; он стал жадно глотать воздух. Глаза забегали: «Ох уж Пантелей, ну и сволочь...» – скрипел он зубами. Должно ждал сильного удара со стороны, со страхом глядя на земляка, но чем защититься не знал.

– Все одно без моей помощи с тяжелой поклажей тебе не управиться, – резанул наконец Пантелей. – Ведь ты телегу с поклажей утянул... Знаю, я все видел... И что в тайге упрятал, тоже понятно.

Терентий как услышал слово поклажа, так и уселся на трухлявый пенёк, едва устоявший под тяжестью его грузного тела. Затрясло земляка мелкой дрожью. Пантелей это почувствовал: «Значит попал в точку», – подумал он.

– Где спрятал? Ну а если упрямитесь станешь, то командующий наш сегодня же все и узнает. Что он с тобой сделает, сам сообрази. Тогда придется все отдать. А так поделим добро и разбежимся; не жадничай, землячок, на наш век хватит...

Некоторое время Терентий не двигался, в нем словно множилась, роилась злость на неприятеля, столь больно ужалившего его.

– Ох и гнида же ты, Пантелей, – только и сумел выдавить из себя Терентий, наповал сраженный напастью.

Долго сидел он еще в раздумьях на том замшелом пне, слепо глядя в даль лесную, мимо Пантелея, словно не замечал его присутствия, словно не стало от ныне существовать для него земляка. Одна лишь злость и желание взвыть переполняли и больно ели душу: «Только вот незадача, – вертелась беспокойная мысль, – Коли эта вражина командиру донесет – быть беде...»

Страшно хотелось пить и, шевельнув пустым, шепелявым ртом он выдавил из себя:

– Хорошо, Пантелей, коли так, будь в доле. Об одном прошу – язык не распускай, не то обоим худо будет. Я ведь хоть и случайно в этой игре оказался, но все одно – козырная карта... А за добро, добром платить надо – это ты правильно заметил.

На том и порешили тогда земляки. Коли живы будут, обоюдную свою тайну хранить станут, а коли нет, каждый при своем останется. И вот, как-то на привале, у Терентия с Пантелеем вновь о тайном разговор вышел.

– Ты знаешь, – обратился Терентий, – коли уж мы вместе, то и думать давай сообща будем. Может что доброе на ум придет, сгодится после.

Пантелей прислушался.

– А что тебя так тревожит? Сейчас главное домой живыми воротиться, с войной покончить... А там и соображать начнем.

Немного помолчав, Терентий продолжил:

– Да я все о поклаже размышляю, что на бричке была.

– А что вообще на подводе той хранилось? Расскажи, не таись теперь то...

– Да в том-то и дело, что кроме этой кубышки и ничего. Только вот больно тяжелая, зараза. Да и заперт, к тому же, тот сейф так, что и не подобраться. Это, я тебе скажу, не простая шкатулка. Старинная работа, мастерски сделана; тут подход и понимание проявить нужно.

Пантелей слушал внимательно. Впервые, за все время их совместной службы, товарищ его вдруг так откровенно разговаривался.

– Спросить тебя хотел, – продолжил Терентий.

– Слышал ли ты что-нибудь о ключе к этой штуковине? Без него, чуёт мое сердце, ее не взять, хитра уж больно. Может догадки имеешь, у кого он мог храниться. Ведь без ключа – это загадка. Понимаешь? И не ты, ни я, разгадки не знаем. Сдается мне, что нужный ключ, должен был у атамана Войтовича храниться. Где еще, как не у него? Отряд охранял обоз – это факт. Откуда этот сейф взялся, нам не ведомо, да лучше и не знать. За ним охота идет, сам видишь, что Красные им уже интересуются. Тайну хранить надо – иначе просто конец нам; дознаются, а после уберут и дел-то всего...

Пантелей, в душе, во всем соглашался с Терентием, но своего, вдруг возникшего соображения относительно ключа от сейфа, ему не высказал. Решил повременить, с собственными мыслями разобраться...

– Тут надо подумать, как на ключ выйти – только и ответил Пантелей.

– Поговорим еще об этом, сейчас не время, да и пора уже. Видишь бойцы двинулись...

В продолжении всего следования, до очередного привала, с предстоящим ночлегом, Пантелей думал о ключе: «Если предположить, что Терентий прав, – размышлял он, – и ключ действительно мог храниться у атамана, то интересный факт получается. То, что земляк бежал во время боя, улучив удобный момент и совершенно не задумываясь над тем, как откроет сейф – понятно. Важнее тогда было им владеть, а остальное приложится... Только вот командующего убили при перестрелке», – Пантелей хорошо это знал. Знал и то, что обыскивать убитых не стали, посчитали что не к чему. Место захоронения Белого атамана, ему было хорошо известно, потому как сам в том захоронении участвовал; откомандировали на такую работу. Кто по полянам убитых собирал, а кто их хоронил... Так вот и довелось ему самому атаману Войтовичу место под геодезической вышкой определить. Остальные бойцы в общей могиле себе последнее пристанище нашли. Многие так по лесам да полям лежать остались, потом уж местные прибирали. Тогда сам Красный командир об особом месте захоронения атамана распорядился. Мало ли кто заинтересуется, спрос учинит или чекисты по следу пойдут.

После, вечером, когда часть бойцов устраивалась в брошенных бараках на ночлег, Пантелей решил, все же, высказать Терентию свои предположения по поводу ключа. Мало ли, что он может задумать, волновался земляк. Уж больно Тереха был расстроен после последней беседы. Всего от этого пройдохи ожидать можно, а вот ежели соображения свои выскажу, не факт ведь, но думаю заинтересоваться может – для дела это лучше. Ведь важно одно; главный козырь в руках Терентия и где упрятана подвода – знает только он, а без сейфа ключ, так – безделушка. Выходило, что нужны они друг другу. Терентий заинтересовался фактом захоронения Белого атамана. Посчитал что, пожалуй, там и нужно будет искать... На том и разошлись, что воду в ступе толочь, каждому было о чем подумать.

Всю долгую, мучительную ночь, Терентий не сомкнул глаз: не спалось и все тут. Какой там сон, коли за глотку ровно клешнями взяли. На зубах – скрип один, а в голову мысли разные лезут; спорят, советуют наперебой. Только вот душа не принимает; не то все, не к месту, не ко времени... Хотя время то и не ждало: «Кто его знает, земляка, лешего этого, у него сегодня одно на уме, а завтра; пойдя, спроси? – думалось среди ночи, – На кой он мне дался; возьмет да настучит командиру, тогда уж точно не пожалеют – в расход пустят. Зараз бежать бы из отряда, да только вот скрываться где-то надо. Домой, само собой, не явишься – врагом сочтут. Итог один – опять же расстрела не миновать. Патронами бы запастись, да в тайгу. Отсидеться, сейф

разломить, и уехать куда подальше. Только вот от хозяйства, от земли, куда тронешься?.. Жена она что, не велика птица, а вот земля – это тебе совсем другое дело, за нее и воевали. Полу-чить бы надел, да жить себе; навоевались уж. Только вот Пантелей, сволочь, не даст. Этого близко подпускать никак нельзя. Ишь лапу когтистую запустил. О ключе рассуждает... Я и без него добро открою. Главное кубышка у меня, и никто к ней дорогу не знает. Ежели убегу, то и делиться не надо...»

Перевалился грузно Терентий с боку набок, заскрипел гнилыми нарами. Светало. Сквозь все более голубеющий проем небольшого окна, проглянула близость слабо-уловимого, едва сочившегося утра. Родилась мысль – новая, страшная. Она, что неотвязная, неотступная зуб-ная боль, давила камнем сердце, рвала грудь. Душа ныла, изнемогая под тяжестью неразрешимой проблемы: «Да, – уж под утро понял Терентий, – лишь убрав с дороги камень, можно продолжить путь».

Он догадывался, был просто уверен, что, устранив Пантелея, он не лишится ниточки, связывающей его с ключом от сейфа. И в случае, если злосчастный ящик все же не поддастся его воле, то известно где можно попытаться найти ключ. Как назло, Пантелей, последнее время, вел себя подозрительно и странно. Стал вдруг сторониться товарища, часто его можно было видеть в кругу лиц приближенных к командиру отряда. Это беспокоило Терентия еще больше: «В активисты рвется, шкура продажная, землячок... А значит, перспектива у его сейфа выри-совывалась однозначно – стать народным достоянием. Но уж нет! С этим он никогда не сми-рится!» – Так Терентий тогда и поступил.

В одну из ночей, под утро, когда еще совершенно темно, но рассвет уже близок, Терентий в тревоге пробудился; толи сон ему дурной привиделся, толи от нестерпимо жутких челове-ческих испарений, невыносимо было более пребывать в казарме. Выходя из душного барака, где квартировала часть отряда, растолкал он земляка, велел за ним идти; якобы дело есть, да поговорить надо, с глазу на глаз.

От удара штыком в живот, Пантелей чуть слышно всхлипнул, взмахнул бессильными руками, словно улететь норовил и, тут же, рухнул на землю. Даже часовой, сонно бродивший у склада боеприпасов, так ничего подозрительного и не заметил. Должно жинку представлял – пригрезилось... Да лучше бы уж погодил с такими грезами. Минутой позже Терентий убрал и его. Сунув наскоро в мешок две коробки патронов, что попались под руку, да прихватив винтовку, лежавшую рядом с часовым, Терентий тихо ушел в тайгу, так и не нарушив сонной, предутренней истомы усталого, отдохавшего отряда.

На утро Красноармейская часть снялась по тревоге. Однако зря только людей мотали. Бежавшего и «след простыл». С подобающими почестями проводили в последний путь двух бойцов, геройски погибших от руки бандита и убийцы. В отряде, при проверке, не обнаружили лишь Терентия. И к вечерней зорьке в ревком Сибирской дивизии, товарища Сердюка пошла с гонцом депеша, в коей значилось:

«За измену пролетарской Красной армии и всего трудового народа, за зверское убийство двух бойцов-красноармейцев, и позорное, предательское бегство из отряда, Терентия Чини-кова приговорить армейским трибуналом к смертной казни. При поимке преступника и дезер-тира – расстрелять».

Бумага, за подписями и печатью командующего дивизией и командира отряда, была пере-дана в органы ЧК для дальнейшего расследования по делу. Так вот и стал Терентий вне закона. Ну а про всю дальнейшую жизнь деда, Петру и вспоминать не хотелось. Как он скитался, скры-ваясь от властей, бродяжничал на лесных дорогах, грабя и убивая ни в чем не повинных кре-стьян; из-за золота, денег, продуктов, словно мало было ему того, что в тайге упрятано. Вепрем лесным стал, кровожадным и безжалостным волком, глухим к чужим мольбам и просьбам. Вся округа тогда слухами полнилась. Да почитай весь люд, что пропадал в ту пору безвестно – все, его грязных рук дело. Терентий тогда сейф премудрый открыть не смог; ключа не было нуж-

ного. Как только за него не брался. Почитай все известные способы перепробовал; ни огнем, ни железом, ни пилами особыми, ни чем не бралась сталь, а к самому замку с простой отмычкой не подступиться; не отпирается и все тут. Да и как отопрешь, коли скважина у замка изнутри ширмой закрыта, к ней то и нужен ключ, иначе даже отмычки внутрь не проходят. Вот и лютовал ирод. Даже жену покойного земляка, пытал, дознавался. Да только вот стойкая, видать, баба оказалась, а может и не знала тогда вовсе о делах тайных ее мужа, а стало быть, и о ключе.

Не смогли Терентия ни сыщики, ни чекисты выследить. Затаился до поры, тайга великая, а желающих рыскать по ней, неизвестно в каком направлении, рискуя своей жизнью, мало находилось. Изворотлив, видать был. Дикая, суровая жизнь, этому быстро учит, а не то зверье, да мороз, вмиг одолеют...

Да и самое главное, что важно; уж очень он умело следы заметал, доказать не получалось, что его это рук дело. Иные даже шутили: «Придумали, мол, все грехи на дядю в тайге валить, этак и милицию держать без надобности; все дела можно раскрытыми считать». А то и всерьез говорили: «Сгинул по всему Тереха, давно уж должно. Поживи-ка в тайге столько годочков, небось по неволе, умом тронешься... Да не живой уж он, грешно так-то на покойного смертную вину валить. Работали бы лучше, да настоящих преступников вылавливали».

Словом, ни улики, ни фактов; одни слухи, да догадки, а их к делу не пришьешь – поди докажи, что это он сотворил. Потому, наверное, и больших усилий на поиски, да поимку исчезнувшего когда-то, еще в Гражданскую, дезертира, никто не прилагал.

С той смуты, вот уж более двадцати лет прошло, в конце войны это было, вспоминал, перевалившись на другой бок Петр. Он, по ранению, тогда с фронта пришел – хромал. Важную жилу осколком перебило, нога почитай и не гнулась, прямехонько так и стояла. Долечивался на домашних харчах, при мамашинем уходе. Так более и не призывался, да оно и понятно; куда годны такие в армии.

Когда только-только война окончилась, народ с фронта повалил. Радость у людей, а тут вновь округа слухами пошла. Мол свирепствует опять этот не пойманный, таежный дьявол, или еще кто, неведомо. Все лихие годы ведь не было Терентия; не видно, не слышно. Должно всю войну, от властей прятался, на чужой беде наживался да за добро трясся. Глупо богатство бросать, да воевать идти. Тут только одно; скрыться, до поры и ждать... А как с фронтов то народ с победой возвращаться начал, так тут вот самое времечко в родные места податься. Добро ждало его, словно хозяина неизменного и единственного. И сам Терентий рвался к нему, изнемогая, душой и всем сердцем. Только вот сейф никак не желал признавать над собой власть Терентия. Упрямылся и не сдавался...

Тогда-то Петр и выследил деда, хотя бабка, его всячески покрывала, не желая, чтобы он с внуком виделся. Случайный их разговор за сараем услышал. Под утро уж во двор вышел, а они шепчутся. Мало лиха она через него приняла, а все же жалела ирода, а может боялась просто. Жизнь их – потемки...

Терентий сулил через пару дней вновь заявиться, болел он, старым стал, силы не те; конь ему нужен был, да провиант просил заготовить; соли, муки, да спичек. Всю ночь протопал Петр по его запутанному следу, чуть было не потерял из виду. Нашел, таки, его бандитское логово. Там, прижатый к стенке, он все и выложил. Про долгую свою скитальческую жизнь рассказал. Пригрозился внучок его властям сдать, за голову ирода десять тысяч обещали. Всем известно, что разбой на дорогах, грабежи и убийства людей – это его рук дело. Только вот поймать, душегуба, не могут.

Сошел Терентий с лица, почернел, долго сидел молча, словно подменили его, как последнее сокровенное отняли. А Петр ему:

– Спрятался в дебрях, не сыщешь. Старуха Полина, вон уж, обо всех твоих зверствах давно поведала. И что ключа от сейфа ты домогался, который у Пантелея был. Чего ты только добился от жизни такой: гнильем у тебя тут пахнет, вот и душой ты прогнил, Терентий. В мили-

ции уже все про твой сейф известно. В розыске он давно. Найдут ведь все равно. Да и стар ты уж стал, попользоваться добром не успеешь. Другое дело мне, молодому... Все еще впереди; сподобит и нужное хозяйство поставлю, дом отстрою, женюсь, да и глядишь, тебя старика, без помощи не оставлю...

Чернее черного стал Терентий лицом, и чего он только тогда не умер, не пришлось бы грех на душу брать, да через это столь лиха хватить; на десятерых делить можно.

– Так что показывай дед свой тайник – велел Петр, – будем думать, как поклажу отсюда вывезти, да чем отпереть.

Поддался Терентий уговорам, куда деваться; указал сейф. Внук все же, не чужому человеку доверился. Да и понимал он, как никак, что стар и кто, кроме внука и дочери о нем, старике, хоть малую заботу проявит. А за такую услугу, кто знает, может и в его, отшельническую, горемычную жизнь, помощь придет.

Погрузили вместе сейф на подводу, и при двух лошадях, что были у Терентия, отправились к поселку. Решили поближе сейф захоронить до поры, пока ключ к нему подберут. Не наездишься ведь за каждым разом в тайгу, за тридцать верст почитай, да и не безопасно; выследить могут. Дорога шла в ночь, мимо топких Яшинских болот. Тропы были узкие, почти непреодолимые для упряжки из двух лошадей. Пришлось тянуть поклажу одной лошадью, поочередно меняя их. Ближе к утру, когда уже светало, топь стала просматриваться лучше; заговорила растревоженная, болотным газом да прелью травы пахнуло. Подвода, то и дело вязла, прорезая острыми ободьями колес, скользкую мякоть почвы.

Петр тогда, решил не пытаться судьбу. Остановил подводу; чего лошадей в прорву толкать, неизвестно что марь таит. Может и непреодолимая вовсе для тяжелой поклажи. Одному куда проще меж кочек продираться, нежели с подводой. Хотя Терентий упорно уверял, что двигались правильно, да и с лошадью он здесь не раз хаживал. Все сходилось. Однако внук решил иначе; велел Терентию еще раз проверить дорогу, сам же принялся перепрягать уставшую лошадь. Терентий послушно двинулся вперед, громко чавкая промокшей кирзой сапог. Болото, то утихало, таясь и крадучись опутывая путников тревогой предстоящего перехода, то недовольно бурлило и предостерегало, заходясь вонючими пузырями, изрыгая их из бездонных, неведомых и пугающих недр. Приходилось невольно прислушиваться к тишине таинственного, мертвого леса и к неровному дыханию ворчливой топи.

Прошло какое-то время... Петра неожиданно испугали тревожные крики о помощи; Терентий вопил на всю тайгу, словно бы встретил медведя. Провалившись в липкую, грязную топь, он изо всех сил пытался высвободиться. Однако его нестерпимая суета, только вредила и он быстро погружался в глубь. Когда Петр подоспел, болото ухватило его уже крепко. Поначалу рванулся помочь и вызволить из беды Терентия. Но у самой кромки топкого, гиблого места, вдруг остановился, не мог понять самого себя; что-то неведомое, тайное, словно сила какая, не давала ему сделать это, отталкивая от вонючей топи. Возникла коварная, навязчивая мысль: «Не нужно, зачем? Судьбе так угодно... Оставь все как есть – не ходи, не надо, не помогай ироду, тебе же все достанется. И нет хлопот...» – словно твердил ему голос черного, неживого леса. И он остановился, тупо уставившись на взывавшего о помощи Терентия.

Судьба уже запустила в него свои безжалостные когти. И теперь не выпустит эту добычу. Так ей тогда угодно было. Все истощнее и нестерпимее, бессвязно вопил старик, силясь высвободить усталое тело из дьявольских, цепких объятий торжествующей, беспощадной стихии, которая, в то далеко унесшееся время, правила угодный ей пир, сделав такой выбор...

А что же он? – теперь само провидение назначило Петра, стать неизменным и единственным хозяином сокрытых в сейфе, неведомых никому сокровищ. Зачем ему этот старый, отживший свое Терентий? Природа взяла свое и разбуженная, потревоженная бедой тайга, вновь обрела прежний, свойственный ей прудутренный покой.

Вот и тишина... Ждал он тогда этой тишины как никогда. Сердце по-прежнему стучало туго, хотя и успокаивалось, словно мирилось с выбором, сделанным не им. Не ждал Петр, что в топких болотах на людей нарвется. Что вот только искали они в такую раннюю пору в лесу? Наверняка с дороги сбились, заплутали, да ночевать в тайге пришлось. На крики и вышли. Троп в глуши мало, вот и свела судьба; кому на счастье, а кому на беду...

Окликнули они тогда Петра, ну а он то, с перепугу, бежать. Лошадь воротить давай; она не идет – увязла. Винтовку с подводы схватил, нацелил на чужаков; сейф при нем, не делиться же с проходимцами. Выстрелил в воздух, припугнуть решил; те в тайге и скрылись. Должно быть поняли они тогда, что произошло. Только вот помочь Терентию не успели. Петр надеялся, что не признают, ведь не видели в лицо. Одно вот только; война свою метку поставила – хромой на одну ногу. По всему они в милиции и рассказали, про то, что человека в болоте утопили. Ну а тех не учить; свою работу знают... Так вот и оказался он в тюрьме. А сейф успел назад вернуть, там сохраннее. Что поделать, коли уж наследил. Упрятал, однако, надежно, будто знал, что на долго с ним расстается...

Тут мысли Петра сбились, спутались. Кто-то из сокамерников шумно окликнул его. Ничего не оставалось, как сползти с нар, чтобы вновь погрузиться в ненавистный, чуждый ему мир страха и, невыносимой до боли, тоски.

Глава пятая

Странная находка

Осень в Сибирь приходит по-разному, как и всюду, наверное. Но особенность ее в том, что она, как и все прекрасное, неожиданна и быстротечна. То затяжным бабьим летом удивит, то снегом в сентябре. И все – то у нее сюрпризы да загадки...

Наступившая пора нравилась тем, что была похожа на лето; дарила тепло и уют, белокрылой бабочкой порхая над округой, радуя сельчан прекрасной и мягкой погодой. Давала редкую возможность без помех убрать урожай, развести по токам зерновые, откоситься, просушить и заготовить к долгой зиме корма. Нравилась осень людям своей разумной, неприхотливой покладистостью.

Вот и Вовку с Пончиком она радовала. Хоть и начались уже занятия в школе, но все же никак не хотелось прощаться с теплом цветущего, уходящего лета, играми да забавами до темна. А за учебники сесть, всегда успеется. Сентябрь – для раскочки. В дождь, слякоть или когда первый мороз ударит, тогда и азарт поубавится; не тот душевный подъем, не тот разгул, да и заботы иные.

Одним из таких ясных погожих дней, когда ничто особо не тревожило спешностью своего исполнения, друзья решили встретиться после школы. Прихватили с собой собаку по кличке Пират; преданного и неутомимого спутника мальчишек. Это был Вовкин дворовый пес, который с радостью, всюду, следовал за ними. Устремились за село в сторону третьего отделения, к старым, брошенным озерам. Разумеется, захватили и удочки для вечерней рыбалки; поговаривали, что крупный карась там берет, не нарадуешься.

Пошли пешком, что там какие-то три километра, да и велосипед был сломан, а с собакой так даже веселее и проще; в миг у цели окажешься. По дороге уцепился Лебедь, один из школьных приятелей; так за компанию. Ему кто-то из родных подарил настоящую, армейскую совковую лопатку. Невидаль, конечно. Позавидуешь, да и только. Он таскал ее уже вторую неделю с собой и никак не мог распрощаться. Изрыл и ископал весь домашний участок, взрылил все что было возможно. Укажешь пальцем; Лебедь тут же копает, словно собака послушная.

– Да хватит тебе уж, – ворчал Пончик, – Надоел ты со своим рыгьем. Мы рыбачить идем, а ты вон опять с лопатой. Кстати, червей бы лучше накопал, куда без них.

Лебедь пообещал взять мордушку и поставить ее на ночь на озерах. Он тут же унесся куда-то вдоль улицы. Друзья ненароком даже подумали: «Отстал и не вернется».

Спустя короткое время, когда ребята уж было вышли за село, он догнал их, проворно таща на плече плетеную легкую мордушку и полбуханки ржаного хлеба. Лопатка была, при этом, умело заткнута за пояс. Без нее, по-видимому – никуда.

С излюбленным выражением: «Дай хлеба пожевать», – тут же обратился Пончик. Лебедь вытянул шею.

– Это для рыб – прикорм, потерпишь!

Пончик изумился.

– Во, Вовка, ты видел. Еще с нами набивается, а куска хлеба жалко. Лучше бы ты дома остался, а то только аппетит раздражил, – он просто негодовал.

Лебедь беззаботно срикошетил.

– Вон собака, и та не просит, – кивком, указав на бежавшего рядом Пирата, сказал Лебедь, – а тебе все дай, да дай...

– Ладно вам, – вступил Вовка, ускоряя шаг, – пошли быстрее, времени мало. Я тоже кое-что поесть прихватил, а для прикорма, вон скорлупы от яиц хватит. Давай ломай на четверых; хлеб сами съедим. Лебедь кивнул, соглашаясь. Вовку он должно больше уважал за рассудительность. В раннем детстве Лебедь был самым лучшим Вовкиным другом. Природный талант игры на гармошке, который Лебедю абсолютно никто не прививал, привлек к нему многих страстных поклонников. Слушать, как играет гармонь – было Вовкиной слабостью. Не раз, прогуливаясь вдвоем, они шагали по сельской улице, наигрывая развеселые, любимые всеми мелодии. Даже на свадьбе приходилось играть. Вот и старался Лебедь на радость, дивившихся его раннему таланту сельчан. Случалось, гуляет вроде народ, а вот без гармониста – скука... А тут Лебедь в ворота входит, меха двухрядки растягивает, да поет:

«Ой, красно Солнышко вставало,
Красных девок созывало...»

И тут же, девка какая-нибудь, задорная вступает:

«Ой, зорька моя,
Зорька ясная...»

И перелив гармонии, идущий следом, просто поднимал всех на ноги, звал в хоровод, веселя парней и девочек.

К концу дня, когда захмелевших и уставших гостей уже трудно было отвлечь от застольных бесед да споров, довольные друзья, наевшись вкусных пирогов и сладостей, обнявшись, покидали праздник.

Позже, немного повзрослев, ребята отошли друг от друга. У каждого появились свои интересы, свой круг знакомых и друзей. Их теперешние отношения можно было бы назвать просто, товарищескими.

Дорога шла вдоль заградительных лесопосадок, где поодаль виднелась полуразрушенная деревянная вышка, когда-то в старину искусно сработанная умельцами под пирамиду. Говорили, что она одно время даже геодезистам служила, искавшим в этих краях полезные ископаемые; уголь, наверное, в Кузбассе его полно. А может, попросту измерения проводили, по роду своей деятельности. Словом, давно она была забыта и заброшена людьми. Одинокое догнивала, твердо упершись толстыми стволами опор в нетронутый островок, заросший бурьяном земли. Вокруг пахота, идти трудно. Усталые ребята с шумом ввалились в сухостойную стену колючей травы, да кустарника, накрепко переплетавших пространство возле пирамиды.

Лебедь проворно торил дорогу, размахивая лопаткой во все стороны. Пух от колючего бурьяна взвился в воздух. Внутри островка, под вышкой, травы было поменьше, словно кто притоптал ее. Решили сделать привал. С наслаждением вытянулись в тени пирамиды. Жара немного спала и повеяло уютной, манящей, осенней прохладой, располагавшей для непродолжительного отдыха.

Под пирамидой, однако, земля была не такой уж сухой, как казалось; должно быть средняя площадка вышки, сколоченная из добротных досок, разохшихся от времени, оставляла под собой тень, сохраняя земную влагу, особенно когда солнце было в зените. В прежние времена даже такие вещи предусматривались. Потому и увлажненная дождями почва в этом месте хранила прохладу дольше. Тем и привлекла друзей.

– Лебедь, хватит бока отлеживать, иди под пирамидой покопай, нам черви нужны, а то прикорм для мордушки не получишь, – вразумил незадачливого приятеля Пончик. Тот, словно Джин из сказки, тут же вскочил и полез под вышку. Пират, как добросовестный напарник, присоединился к нему. Усердные поиски попрыгавшихся червей никак не хотели венчаться успехом, но тут...

Лопатка звонко стукнула по металлу и глаза Лебеда заблестели.

– Пацаны, смотри что я нашел! – закричал он, откладывая в сторону любимый инструмент. Раздвинув руками разрыхленную землю, он оголил круглый металлический диск, похо-

дивший на обычный вентиль, с неразборчивой, проржавевшей надписью по краям. Ребята подошли поближе, осмотрели вентиль.

– Копай дальше, – сказал Вовка, – нам черви все равно нужны, а ты раскопками занялся.

Однако он все же сделал неудачную попытку его повернуть. Но вентиль не поддавался и твердо стоял на своем месте. Любопытство начинало разбирать. И, немногим позже, удалось обнаружить бетонную, квадратную глыбу, в которую и был забетонирован вентиль. Она всеми своими четырьмя сторонами уходила в глубь земли.

– Ну не могу же я один копать. Устал уже. Собака, вон, и та сбежала, – Лебедь устало смотрел из канавы, доходившей ему уже до колен, готовый в любую минуту отдать свою лопатку.

– И что, лопатку не жалко? – съехидничал Пончик.

– Слушайте, – обратился Вовка, – давайте копать поочередно, но только одну сторону, так чтобы быстрее до основания этой глыбы дойти.

– Хоть и интересно копать, но я все же предлагаю пойти на озеро, да и вечерний клев уже скоро, а мы здесь роем, ищем неизвестно что, – бубнил Пончик. Он демонстративно отошел и уселся в стороне.

– Интересно же, – возразил Лебедь, – глядишь и найдем чего...

– Чего ты здесь найдешь? – не унимался приятель, – рой себе, если интересно, а червей здесь все равно нет. Они вон поумнее нас будут; в такую глубь не лезут.

Вовка забрал лопатку и принялся молча копать вдоль одной стороны вглубь. Лебедь отошел в сторону, устало глядя на друзей.

– Думаю сейчас самое время съесть колбасу, – после некоторого затянувшегося молчания предложил Пончик, – позже будет не до нее. Да и идти еще далековато. Бросай Вовка эти раскопки, дались они тебе. Поедим, да пойдем дальше, – донимал друг. Вовка отставил лопатку, присел на взрытый холм земли, устало вздохнул.

– Ну да ладно, лучше в себе носить чем с собой, – улыбнулся он.

Друзья быстро достали хлеб и колбасу, Пират тут же заводил носом, продолжая лежать в тени. Вдоволь нарывши нор, да канав, он явно довольствовался сделанным.

Солнце стояло далеко не в зените, но продолжало, однако, с усердием делиться своим теплом. В эти полные истомы мгновения, даже Пирата привлечь к работе, простой, ничем не подкрепленной агитацией, было трудно.

От собаки запах не уйдет. Пират, по всей видимости, тоже не возражал вкусно поесть. Он вскочил и, повиливая хвостом, подбежал поближе к хозяину. Пончик перехватил оставленную для него колбасу, покрутил возле носа собаки и со свистом швырнул ее в вырытую ими накануне глубокую и довольно широкую траншею. Ухвативший запах пес, тут же рванул следом, ища пропавшее лакомство. Если бы Пират умел обижаться, то наверняка, он бы укусил Пончика за подобные издевательства. Однако, стойко стерпев унижения, принялся за поиски столь вкусно пахнувшего куска колбасы.

Парило по-летнему. На Сибирский сентябрь это не походило. Редкие, разрозненные облака разнесло по краям горизонта; над головой синь и щебет птиц...

Вовка, прихватив с собой сумку, подошел к усердно рывшемуся в глубине канавы, псу. Всмотрелся и застыл на месте. Собака скребла когтями передних лап по голо-выбеленному человеческому черепу. Роясь, Пират продолжал, то и дело, тыкать вглубь норы носом, коротко и отрывисто вдыхая воздух, должно хранивший еще запах времени и смерти.

– Пират, – позвал Вовка, – ко мне, иди сюда, фу... фу... фу...

Пират, услышав голос хозяина, послушно отошел в сторону, давая возможность осмотреть странное место. Вовка тут же сунул недоеденный кусок собаке и та, с наслаждением, принялась доедать остатки хлеба, забыв о раскопках.

– Посмотрите, что он здесь отрыл, – обратился Вовка к товарищам. Те дружно обступили его, с любопытством осматривая находку. Ребята тупо уставились на человеческий череп.

– Здесь что, могила что ли? – Пончику стало не по себе.

– Брось его назад, закопай... и пошли отсюда. Я не хочу в таких раскопках участвовать, – насторожился Лебедь.

И когда Вовка аккуратно очистил череп от остатков перегнившей почвы и проколупал все имевшиеся в нем дыры, хотя это далось ему не легко, а друзья и вовсе отпрянули в стороны, то из черепной коробки на траву, вывалился, вовсе не проржавевший от времени, большой металлический ключ. Он был выполнен искусно, мастером, да к тому же отлит, должно быть, из специальной стали. Его по праву можно было считать произведением искусства.

– Как в сказке, – произнес Вовка рассматривая ключ, – как он в череп то попал, не понятно. Ну лежал бы себе в земле, рядом, тогда ясно. А так?.. – недоумевал он.

Тем временем, Пончик, преодолевая неприязнь, принялся осматривать череп.

– Ты знаешь, первый раз настоящий человеческий череп в руках держу. Интересно, кто бы это мог быть? А ведь когда-то человек был, думал, творил...

– Оставь череп в покое, – прервал его размышления друг, – а то, не ровен час, рассыплется еще в пыль, вон сколько времени в земле пролежал. Может сгодится еще...

– Ты что же, домой его понесешь?

– А куда же его?

– Да ты что, а найдет кто? Милиция нас враз зацапает. Давай лучше спрячем, где понадежнее, может и узнаем о нем что-нибудь.

Вовка согласился с другом. Череп решили захоронить здесь же. Иных соображений не было. Как ни странно, других останков не обнаружили. Да и особо копать никому не хотелось.

– Вот представь себе, – рассуждал Вовка, – ты в срубленную кем-то, когда-то голову, вставляешь, или всовываешь ключ – это что тебе, кочан капусты или как?

– Жуть, да и только, – сощурился Пончик.

– Получается подзахоронили, либо спрятали, чтобы боялись другие, если станут здесь копать и наткнуться на него. Задумка верная, – заключил Вовка, – только вот для чего?

– Ну ты же нашел и в череп залез – боялся?

– Конечно жутковато, но лез из любопытства. От головы то вон, один череп и остался, а что череп – кость, да и только.

– Ну скажешь тоже, – поеживаясь, топтался на месте Лебедь. Ему меньше всех нравилось это приключение. А Вовка, аккуратно положив на землю странную находку, принялся рассматривать удивительный и необычный ключ. Таких он еще никогда не видел. Необычность ключа заключалась в его конфигурации. Мастер, в свое время, постарался...

– Да, ключик довольно редкий. Что бы это все могло значить?

– Я думаю, – вступил Пончик, – нам сейчас решить надо, что с ним делать.

– Если есть ключ, значит есть нечто, что им опирают, – добавил Вовка.

– Логично, – ухмыльнулся Лебедь, – только где искать это нечто?

– Тут копать надо исторически или через старожил здешних, – рассуждал Пончик, – может они об этой пирамиде кое-что знают? А там и к черепу след потянется.

– Да, наверное, ты прав, – заключил Вовка, – без истории и ключ, и череп – просто пустой звук.

Ключ решено было взять с собой, поэтому доверили его Вовке, чтобы тот, по возможности, хоть что-нибудь о нем разузнал.

Спустя некоторое время друзья устремились к озеру, шутя и резвясь по дороге, словно бы и не случилось в их жизни такой странной находки. Рыбалка удалась. И, уже к позднему вечеру, живые Амурские караси, шустро хлопая друг друга хвостами, делали поднятый из воды, огромный и тяжелый кукан, живым подобием одной целой, крупной рыбыны.

Глава шестая

Бесконечная неволя

Бряцая ключами, тюремный надзиратель отворил дверь камеры и впустил новенького. Молодой еще, но по всему видно, третий жизнью арестант, остался одиноко стоять у входа в камеру, пропитанную непередаваемо кислым запахом неволи.

На скрипучих нарах зашевелились. По поводу наличия свободных мест для лежки, дискуссию среди обитателей сего мрачного заведения, разводить было глупо и не осторожно. Парень двинул к пустым нарам, ни словом не обмолвившись с будущими сокамерниками.

Моргун незаметно кивнул Сивому. Тот, вмиг, оказался у нар.

– А где прописка? Куда валишь, телега, zenки разуй. А то уж, рассупонился, – остановил его Сивый.

Новенький никак не отреагировал.

– На этом плацдарме мои портянки отдыхают, после тяжелой работы и беспокоить их не велели, – продолжал наседать он. Его хитрая улыбка, расплываясь в пространстве, невольно распространилась на сочувствующих непросушенным портянкам, ханыг.

Прошуршал ехидный смешок, предчувствуя «кино». Парень знал, что на хате всегда встречают и проверяют вновь причаливших. Он стоял на прежнем месте, не проронив ни звука. Бледность покрывала усталое, безразличное лицо; похоже, был то ли болен, то ли сильно голоден. Уж больно жалок вид, так по крайней мере казалось.

– Моргун, а Моргун, дозволю я укажу ему место, видать этот не из догадливых. Стремно как-то падлу среди своих иметь.

– Дозволяю, – буркнул недовольно пахан.

Петр смотрел на происходящее спокойно. Он знал, что новичку сейчас придется туго и, что место у «парашки», как и всегда водилось, парню отведут определенно.

– Дядя, – спокойно, слегка хриловатым, но четким голосом, ответил парень, – с сегодняшнего дня придется тебе свою гниль у порога просушивать.

Сивый от подобной наглости чуть было не замешкал с ответом, отшатнувшись, чего с ним никогда прежде не случалось. Даже Моргун, доселе спокойно восседавший на ложе, сдвинул тугие, неподатливые брови. В руке Сивого сверкнула заточка. Петр отвернулся, чувствуя, что развитие ситуации пошло не туда.

Парень сделал лишь несколько резких движений, и острая пика Сивого со звоном улетела под нары. Он тут же отпрянул в сторону, ухватившись за руку. В его вытаращенных глазах жила злоба, желание наброситься и разодрать плюгавого, с виду, наглеца.

Моргун поднялся с нар. Те подпели ему скрипом, заранее соглашаясь с каждым движением своего хозяина. Его огромное, грузное тело походило на валун. Он плавно покатил к новичку, хмуря злую, лохматую бровь, словно норовил муху со стола согнать.

– Ты почто дружка обидел? – начал он сиплым голосом выводить в честь униженного.

Петр, вновь обернувшись, сосредоточил взгляд на парне. В камере воцарилась редкостная тишина. Даже Сивый, сделав два шага назад, замер в ожидании бури.

– Ты бы, дядя, тушку свою на прежнее место водрузил, а то, как бы нам надзирателя не потревожить, тогда тебе определенно неделю парашу выносить...

На Моргуна подобная угроза не подействовала, и он увальнем набросился на обидчика. Однако, в мгновение, получил такой силы удар в грудь, что, едва качнувшись, опустился

на колени и, постояв пару секунд, в подобной, умиленно – сконфуженной позе, рухнул ничком вниз и затих.

Парень спокойно влез на верхние нары и лег, сделав облегченный выдох. Следом, сброшенные недоброжелателем, на пол слетели и не досушенные портянки Сивого.

Петр, как и прочие сокамерники, пугливо таращил глаза, понимая, что отныне власть переменится. Однако в душе его сидела другая, досадливая мысль: «Зря ты так, парень. Хоть ловок, да силен, но видно глуп по молодости. От этих тварей одной силой не отвяжешься...»

– Ну чего zenки пялите, слизня позорная, – скомандовал, скоро очнувшийся, Сивый.

– Моргун поддыхает! Тащи его на нары.

Уложив бессознательного пахана на тихое ложе, Сивый вышел на середину, притопнул раза два, вертя вихлявой шеей из стороны, в сторону, словно искал поддержки. Достал пику. Без нее ему было не по-домашнему, уж больно свыклись они за долгие годы скитаний, а на тюрьме и вовсе не привычно; вроде третьей руки она. Порой и мозгов не надо; сама все решит, рассудит, да по местам расставит. Одно только – хозяин ей нужен такой же преданный, с фантазией, да выдумкой, иначе оба заскучают...

Подсвистывая, Сивый двинул к своему месту.

– Ой воля, волюшка... Славна долюшка... обтрепалась вот только душа... – пропел Сивый. Откинулся на нары и стих.

– Вот и на вас нашлась управа, по жируете теперь, – прошептал себе под нос, обрадованный случившимся Петр. Однако жалел мальчика. Хотя, кто знает, каким дегтем его душа мазана...

Уже давненько не дымила тюремная котельная труба. С весны, как потеплело, удумало начальство за счет своих дешевых кадров, изнашившуюся донельзя кочегарку за летний период подлатать, да к осени вновь в работу пустить. Больно уж жалоб много. И мысли в холодной воде, и стирались кто где мог, и кипятили воду, порой, не там и не для того. В камерах страшный холод, да плесень от сырости пошла. Не прогреваются помещения; даже в сушилке, где последнее время принялись печь дровами топить, за ночь одна прель от портянок, да белья – гниль без просуши.

Раньше на месте лагеря мыловаренное предприятие стояло, а как захирело дело, так сюда и арестантов понагнали, лагерь сделали. Дышала кочегарка сколько могла, а тут вот видно и совсем пар выпустила. Благо карьер рядом – торфяник. Так вот и сырье иногда подбрасывали. Все дрова, на долгую зиму, не запасать.

Мало по малу, интересуясь, начальник лагеря стал подходящих ему людей отбирать, для ремонта котельной и починки гнилой теплотрассы. Нужда была в каменщиках, сварщиках, да и бетон класть желающих не находилось.

Однако принудительная работа не возбранялась и артель набралась быстро. Почти сразу бригадир нашелся; тот самый из новеньких, знать с «Кумом» в ладах был – человек загадка. Туда же и Моргун с приятелем попали. По профессии «Пахан», хоть и был вором, но сварочное дело знал. Об этих фактах его пестрой биографии на зоне знал любой. Обойти в этом, новом деле стороной Сивого, было бы глупо. Моргун без него – никуда, ведь сварщику всегда помощник требуется. А вот Петр Чиников в бригаду не попал, хотя страсть как на воздух рвался, до ужаса надоело в кислых подвалах тапки, да фартуки шить.

Давно Моргун тайные планы вынашивал, однако мыслями своими ни с кем не делился. В последние дни даже Сивый заметил: «Уж больно дружок задумчив, да молчалив стал; не приболел ли?..» – терзался угодливо приятель.

Моргун не болел, но душа ныла, ища выход. И вот, когда бригада уже вела работы «на воздухе», как принято было говорить среди арестантов, Моргун вдруг словно воспрянул духом; посвежел, повеселел, злая ухмылка сменилась ясной и осмысленной целеустремленностью. Улучив удобный момент, он выдернул Сивого на разговор:

– Слушай сюда. Только тебе, ясно! Болтать будешь – язык подрежу, – Моргун стал сразу суровым, ухмылки как не бывало.

– Чего тебе? – Сивый тут же напрягся.

– Удумал я как отсюда свалить.

– Как это свалить? – хмыкнул приятель. – Тут махом крылья подрежут.

– Потом скажу, а сейчас запомни; ни одна падла не должна про это знать. Ты да я, иначе тянуть по полной. Я сразу заметил, когда Петра в бригаду не включили. Смекаешь, должно воля скоро, иначе бы впрягли. Вечером поговорим с ним плотно. План у меня на этот случай имеется, фраерок бы только не соскочил...

Напоминание Моргуна об освобождении вновь вернуло Петра к воспоминаниям. За двадцать лет отсидки, что тогда уже были за его плечами, он пережил многое; и на пике сидел, жгли да травили его, до синя разрисовали сокамерники. Однажды, при побеге, на хроющую-то ногу, чуть было волки не сожрали. На севере то было, в Кучумской долине – тайга, гнус, да сопки одна за другой. Ничего, уцелел. Словом, испятнала его жизнь, притомила. А здесь вот еще и эта парочка заявила, давай предьяву за бывшего «пахана» гнать.

«Конечно, этих двух он может с дороги убрать; оставить догнивать на „киче“. Не ввязаться с ними, – соображал Петр, – тем временем и самому убраться куда подальше. Только вот проблема – достанут, руки у них длинные. Такие всегда находят, если захотят. А желания добраться до меня у них прибавилось. И чего я дурак во сне разболтался... – вспоминал Петр, – эту „падаль“ на хвост себе, сам же и посадил, такое разболтать, вот уж угораздило! Издевались, сволочи, дознаваясь, а что делать; не подыхать же...» – скрипел зубами Петр.

Согласился он тогда, под пытками, указать место, где сейф упрятан. Что с обещания возьмешь? – рассудил он невольно. Для него важно время тянуть, да лучше обдумать; как дружков-сокамерников вокруг пальца обвести... Свобода вот-вот, а тут такое...

Подельники, по добру сговорились, передать с Петром на волю подробную карту и план организации побега. А с воли, там уж Аким поможет, дружок и подельник Моргуна. Оставили Петра до поры в покое. Уступил тот, согласившись лишь вынести план и передать его, а если все дело выгорит, то встретиться к сроку в условленном месте. С тем и разошлись.

На утро, когда Петра вызвали к начальнику тюрьмы, Сивый и Моргун настороженно переглянулись.

– Стоять здесь. Повернуться к стене. Руки за спину, – скомандовал сопровождавший его надзиратель.

Клацнул, разжимая челюсти, железный замок – дверь и отворилась.

– Направо по коридору, смотреть вперед, – дали жесткую команду.

Петр привычно и спокойно следовал сухим указаниям. Пройдя коридор здания, по которому ему ранее не приходилось хаживать, он попал в просторное помещение, побеленное изнутри в белое: «Еще кончат, сволочи,» – заныла пугающая мысль.

– Лицом к стене, – прозвучала очередная команда.

От белых, сырых стен пахло грибной гнилью, но запах был приятен Петру; Он помнил его с детства. Так пахло у них в погребе, в родительском доме. Выйдя через единственную дверь, которую отворили с противоположной стороны, по звонку надзирателя, Петр оказался на воздухе. Запах лесной прели и пение вольных птиц, вскружили голову. От обилия яркого солнечного света, сощурились привыкшие к полутьме глаза. Он слегка качнулся, но устоял.

На тюремный двор, куда ступили его сухие, но крепкие ноги, заключенных выводили очень редко. Все отведенное для работы и частных прогулок время, проводилось под крышей; в вонючих, отдающих кислятиной подвалах, не знающих тепла и солнца. Там и крысы то чувствовали себя неуютно, их тревожная пискотня, то и дело, резала слух невольникам.

«Эх – крысиная жизнь», – подумал Петр.

На последней зоне, где-то под Челябинском, в холодной Уральской тайге, он провел все основное время отсидки, если не считать первых пяти лет сплошных мотаний по безлюдным, сухим степям южного Казахстана, а позже и Сибири, где тоже довелось побывать. А вот здесь, он уже четвертый год не знал покоя; жизнь была куда хуже прежней. Доведись жить с одними крысами, что в подвалах; о таком рае Петр бы только мечтал, а то ведь те твари, что были рядом – куда хуже; и зубы у них поострей, и лапы загребушие отросли.

Вот и ждал Петр в нестерпимой тревоге и надежде; когда же объявят, что он Петр Чиников, наконец-то свободен и может следовать куда захочет. По его неточным подсчетам все сходилось на сентябрь. На досрочное освобождение он надежд не питал. Не из тех везунчиков, да и по срокам – поздновато...

Судя по погоде, было лето. А значит следовало немного подождать. Только вот сердце иначе колотилось; для чего выдернули?..

Управление начальника колонии и его команды, как заключил для себя Петр, немного осмотревшись, должно было находиться где-то там, на той стороне просторного тюремного двора, куда его и вел строгий надзиратель. Петр был спокоен; не хватало еще сейчас непослушания. Одно то, что он проделал столь не обычный, не привычный путь, удивляло и волновало его все больше. «К чему бы? Не закончится ли все это расстрелом? – вновь тревожила мысль, – Пойми их... или нервы уже ни к черту...» – досадливо думал он.

И все же не ожидал Петр, что именно сегодня, начальник тюрьмы объявит ему о долгожданной свободе, а с завтрашнего утра он может законно оставить лагерь и следовать к месту гражданского проживания. Получит довольствие и аккредитив на предъявителя, по которому в любой сберегательной кассе сможет получить полагавшиеся ему деньги, за долгий и нудный труд на благо своей страны и себя лично.

Начальник пожелал ему устроиться дома как полагается и остаток своих дней провести в мире и спокойствии, как и должно, советскому гражданину и человеку его возраста. Ноги Петра затряслись и подкосились, он едва устоял от неожиданно свалившегося на него счастья. Долго не мог осмыслить и впитать в себя всю прелесть тех слов, что говорил человек, совсем недавно презиравший и ненавидевший его всем своим нутром.

Он и сейчас был явно не откровенен с ним. Но в эти минуты Петру было наплевать на его искренность. Слова и факты были важнее, а потому глаза заслезились, и начальник тюрьмы поплыл перед ним вдоль комнаты, диким черным лебедем, размахивая руками-крыльями, словно его, Петра, захлестнуть хотел.

Видя, как бывший арестант растроган, начальник разрешил ему выкурить сигарету; настоящую, из бумажной пачки, с надписью «Прима».

«А раньше таких не было», – заметил Петр.

От Моргуна с Сивым он решил не таиться; все равно узнают о его освобождении: «Отрадно то, – думал он, – что последнюю ночь под общим кровом коротать осталось, а там, как судьба положит. Теперь пусть новичок из этих сволочных типов веревки вяжет; его, Петра Чиникова, этот факт уже не будет интересовать».

Скрываться было глупо, и Петр решил играть до конца, объявив Моргуну, что утром его отпускают на свободу. Приятели по неволе воспрянули духом, надеясь на его скорое освобождение. План их был действительно толковый. Если все удастся, то судьба непременно сулила устроить Петру новую встречу с подельниками дружков, только уже на свободе. Петра их план занимал мало, а если не удастся их побег, то уж, по крайней мере, его вины в этом не будет. Так он считал всегда и готов был следовать своим принципам. В тайне он даже желал этого. Однако подобная развязка не сулила наивной перспективы отделаться от надоевших ублюдков и заняться наконец своим делом. Лучшим выходом из подобной ситуации был лишь его план, на который он возлагал большие надежды...

Через пару, изнурительно долго тянувшихся дней, добираясь на чем попало, выбрался наконец Петр из дремучего Сибирского Забайкалья и спустя сутки, был уже в Иркутске. Как не хотелось ему являться по указанному адресу, а все же план побега передавать надо. Иначе ему конец; дружки и на воле всегда достанут...

Седьмой дом по Мостовой улице был, как и все остальные, угрюм и сурово уставил на него темные глазницы прикрытых ставнями окон: «И что за город такой, мрачный, не жилой вроде», – показалось по началу Петру. Он уверенно вошел во двор и постучал кулаком в дверь. Минутой позже, их тихо отворила хозяйка – женщина лет сорока, не по-летнему укутанная в теплые одежды, словно в доме отроду не топили.

– Аким здесь проживает? – сухо спросил Петр. Странная баба оглядела гостя с ног до головы.

– А хоть бы и здесь, а ты что за гусь, чтобы его шарить? – грубо ответила хозяйка.

– Привет ему от Моргуна, поняла! Вот и передай, ждуть не стану.

Та вмиг исчезла, оставив гостя у порога, без приглашения. Петр ждал не долго; помялся у крыльца, окинул взглядом небольшой, неухоженный двор, прислушался. Дверь вновь тихо отворилась и все та же баба, позвала следовать за ней. Петр ступил в провал темного коридора и зашагал на шум шагов удалявшейся хозяйки, ничего не видя впереди себя. Случайно зацепил пустое ведро, испуганно соображая, что произошло...

– Тише ты там, иди за мной, слепой что ли? – сделала замечание баба.

– Да куда же идти, вокруг одна темень?

– Пришли уж, сейчас отворю.

Светлый проем двери, представившийся Петру яркой, квадратной луной, помог наконец выбраться из темени прихожей. К неудовольствию, он сразу ощутил, что попал в самое логово бандитской «малины». Стол был накрыт, но чувство сытости явно никогда не покидало восседавших за ним странных и мрачных незнакомцев. Петру стало от чего-то нехорошо и тошно; ведь вновь предстояло иметь дело с подонками ничем не лучше тех, которых и вспоминать не хотелось.

При свете керосиновой лампы, он увидел сидящих за столом, по всей видимости, корешей. Их было трое, не считая хозяйки. Петр оглядел задымленную конуру, иное слово от чего-то не приходило на ум; знать верно отражало содержание. Чтобы хоть как-то освоиться в помещении, пришлось бы наверняка отпереть, плотно запертые ставни. И кто знает, открывались ли они вообще когда-нибудь.

Из полумрака, тараканьими глазами, на гостя уставились три мужика, поедавшие соленую капусту с хреном. Петр неловко передернул плечами, чувствуя неудобство положения...

– Ну проходи, садись, – начал один из них, – чего стоять, коли уж зашел.

Петр мялся в нерешительности.

– Так и будешь молчать? Чего надо то?

– От Моргуна я с Сивым, что на зоне пока...

Петр подошел к столу и сел на стоявший рядом табурет.

– А ты, стало быть, освободился. Ну перекуси чего с дороги, – грубым голосом предложил бородач, – налей ему Таран.

– Да ты, по-простому, давай выпей... Да Клавку вон успокой, а то извелась баба, как за Моргуна услышала. Любовь у них – понимаешь, а ты тянешь...

Петр не склонен был опускаться до выяснения отношений: «Отвалить бы поскорей. Вязаться не хотелось. С этими по добру надо, без лишнего – понимал он в душе, – своим надо быть в корень, иначе найдут причину, чтобы огорчить; сотрут, скрипа не останется...»

А тут, не в пору вскрытая бутылка приятно забулькала, наполняя граненый стакан неожиданного и голодного гостя. Клавка, скинув овечью тужурку, придвинулась ближе, обнажая

белые пухлые руки по самые плечи. Петр зажмурился и без слов выпил. Закусил кислым, прошлогодним засолом помидор, шумно выдохнул. Разлилось забытое тепло, согрело душу...

– Моргун велел говорить с Акимом и с глазу на глаз. Кто Аким будет?

– Ну я, – отозвался бородатый мужик напротив,

– Ты не бойся, то мои дружки, не подведут если что. Клавка, – обратился он, – запри помещение, чтобы не помешали...

Баба бросилась к двери и плотно затворила ее, задвинув засов.

«Не сбежишь», – подумалось почему-то Петру.

– Ну давай, выкладывай, чего вы там надумали и как?..

Петр рассказал каким образом познакомился с Моргуном и его приятелем Сивым и, что вместе кантовались на последней отсидке, почитай уж четвертый год. Рассказал за что попал и как долго не знал воли. И вот наконец здесь.

Вспорев днище старых валенок, он извлек плотно скрученный, крохотный сверток; Моргун умел прятать, даже на контроле не нашли. Передал его Аким, сказав, что это подробный план побега, замысленный самим «паханом». И он, Петр, пообещал Моргуну, передать все как следует его друзьям, а сам он, якобы, спешит к себе домой; со старухой-матерью уж почитай четверть века не виделся. Умрет, не ровен час, хоть живой бы застать.

– Ладно байки тебе травить, – встрял Игнат.

– Цыц! – оборвал Аким сидевшего рядом дружка, который подвыпив был в состоянии лишь мотать косматой головой, кривя мокрые губы.

Аким, прочитав записку, тут же сменил довольную улыбку на не добрую гримасу, какая угадывалась даже из-под его пышной бороды.

– Так ты говоришь, по мамаше соскучился? – утробно низким голосом обратился он к Петру. – А может по началу у нас погостишь, амнистирует себя Моргун, дружбу сведем?..

Петр, как ни силился овладеть собой и не выдавать, вдруг охватившего его, волнения, все же ему это не удалось. Тройка нудных приятелей все же заметили его замешательство.

– Я ведь по добру, без всякого умыслу, передать и всего-то, – пытался успокоить недоверчивых хозяев, не на шутку встревоженный ситуацией, Петр.

– Ты, милый папаша, видать честный фраер, должно неволя тому выучила, а вот хитрить не умеешь. На зоне этому тоже учатся. Моргун, покуда хитрее тебя оказался, или темнить, будешь? Акима за нос поводить решил, – он ухватил тремя пальцами капусты и сунул в промежность бороды, сощурился при этом маленькие пороссячи глазки.

«Достал-таки, сука!» – выругался в душе Петр, продолжая как мог, сохранять спокойствие.

– Прочел записку, не явился бы. Молодец, что свое место в колоде знаешь, а вот коли зашел, то и веди себя в гостях прилично, не огорчай хозяев.

– Акима не проведешь, – добавила баба.

Петр заволновался еще сильнее, заерзал на табурете...

– Да я разве что против вас в мыслях держал, наоборот, с добром, – повторился Петр, недоумевающая, куда клонят новоявленные приятели, однако полон был тревожных предчувствий: «Неужели все же Моргун удумал какую пакость, на это он мастер», – соображал Петр.

– Твой ажур мы слышали. Теперь помолчи...

Аким отшатнулся и принялся углубленно читать написанное: «Акимушка, братишка, не гневайся и не серчай на дружка своего давнего, вызволи еще разок, добром отплачу, а ежели не захотите – горько об этом пожалеете. Не в угрозу тебе мои слова, Акимушка, а в услужение. Того, кто записку передаст – лелей как бабу милую, как сухарь в лютый голод; в нем наше спасение и благо будет. От того и прошу побережь. А удумает бежать, паршивец, на цепь, как пса лютого посади. Нужен он нам, Акимушка, поверь на слово – нужен. Когда меня вытянешь всю правду тебе скажу, через то и разживемся на славу. Мытарить его не надо, оставь эту затею по-

доброму. Он противится твоей воле не станет – смиренный малый. А вот ежели хитрить удумает, бей нещадно. Однако береги, помни, о чем я просил...»

Петр понял одно; дорога домой откладывается на неопределенное время: «Кто этих сволочных типов разберет, что они удумали. Моргун знает, чем эту „падь“ заинтересовать. Только вот почему он, Петр, должен за все платить? А заявись Моргун с приятелем, да этих четверо, тогда все пропало; и добро его достанут, и ему самому не отбиться – догрызут. Вот это вяпался, дурья башка», – ругал себя всерьез озадаченный Петр.

Алкоголь хоть частично и скрывал реальность угрозы, однако, даже будучи полупьян от выпитого с новоявленными друзьями, он отчетливо понимал, что на этот раз ему будет куда труднее освободиться: «И зачем только заявился сюда, пусть бы эта парочка на зоне догнивала, а сам бы тем временем уехал куда подальше, растворился, исчез в лесах без следа и намека. А теперь что? – серьезный капкан получается», – тревожно осознал Петр.

– Ты вот что, – вновь обратился Аким к Петру, – с нами на дело не пойдешь, ты для другого сгодишься.

Некоторое время Аким сидел молча, жуя капусту, уставившись глазами в послание, изучая подробности плана.

– Клавка, – вдруг обратился он, – запри этого гостя в подвал, а ключ мне принесишь. Только после; пусть пожрет как следует. До завтра ничего не получит.

– Ага, – огрызнулась баба. У меня там добро, разворошит все.

– Делай, что говорят, – буркнул Аким вставая.

Разбойнички расходились. Ничего Петру не оставалось, как спуститься в темное, мрачное подполье и после долгой, нудной неволи, позволить этой «забаве», вновь запереть себя:

«Как мог он допустить, – продолжал размышлять Петр, – так сурово обмануться, поверить и дать обвести себя? Опять досада и разочарование, которые он уже не способен был выносить. Как выбраться отсюда, как сбежать, иначе все пропало?..»

Теперь Петру уже не хотелось видаться, ни с Моргуном, ни с Сивым. Ему хотелось одного; хоть раз еще освободиться из-под замка, из темного, вонючего подземелья и бежать, бежать, бежать, путая следы подобно зайцу в надежде навсегда затеряться где-нибудь в дебрях суровых Сибирских лесов, окружить себя непролазными, топкими болотами, уберечь от липкой человеческой грязи, которая не дает ему жить, обволакивая нудной и противной паутиной, мешая свободно дышать, не оставляя надежды, лишая возможности защитить себя.

Мало-помалу, успокаиваясь, Петр попытался вновь вернуться к ощущению реальности. Стал рассуждать и думать над сложившейся ситуацией.

Он хорошо знал Моргуна и был уверен, что, вырвавшись на волю, тот не станет делиться с Акимом. Аким просто лишний в его игре – фомка; он нужен лишь для того, чтобы выбраться из «Казенного дома». А там только он, да Сивый – эта парочка неразлучна, вот на кого необходимо переключиться, если он, Петр действительно собирается быть свободным. Но к ним он уже подобрал ключик, значит не все его козыри еще вскрыты и время – главный помощник в этой роковой игре.

«А теперь надо ждать», – успокаивал себя Петр, лежа в темном подземелье, запертый, пойманный в ловушку, но не раскрытый, а значит нужный им и пока он хранит свою тайну – не тронут, а вот у него есть время обдумать, да взвесить, кому, какой смертью умирать...

Глава седьмая

Побег

И как подобное Моргуну в голову пришло, оставалось только удивляться. Сивый явно недооценил его. Что бы ни было, а план побега он продумал основательно. Ночами не спал, скрипел сухими нарами, тщательно перепроверяя все замысловатые ходы намеченного им акта. Все сходилось...

«Потом скажу,» – односложно бросал он Сивому, который назойливо лез с расспросами. Моргун, однако, упорно молчал; все его мысли сосредоточились на организации и устройстве столь дерзкого мероприятия.

«Повязать не смогут; расторопности не хватит. Главное от вертухайской пули уйти, – подумывал бессонными ночами Моргун, возлагая большие надежды на дружков с воли, – ну а если Петр, что выкинет, то без лишних сомнений удавит его своими руками». – Однако, как не крути, Моргун, все же, полагался на Петра; деваться тому некуда...

Не верилось в то, что Аким останется не осведомлен и не прибедет к ним вовремя, в положенное место и, что они могут просто остаться одни на дороге: «Самим главное по времени уложиться, не помешал бы кто случаем, хотя и запасной вариант тоже оговорили. Дорога в двух километрах, придется бегом, лесом, минут за десять надо перекрыть это расстояние, а то охрана лагеря проворнее окажется – псами затравят. Аким, конечно, без пушек не явится, но лучше уйти по-тихому. А там и в тайге быстро затеряться можно...»

После обеда, когда был объявлен короткий перерыв, Моргун посвятил Сивого в детали и тот, выслушав, начал действовать по согласованному плану, последовательно и основательно выполняя поручение за поручением.

– Еще сегодня, найди время; надо подпилить две стяжки, что трубу со стороны корпуса кочегарки удерживают. Понял? Только не перепили – кишки выпущу. Оставь что бы едва держались.

– Уловил, будь спокоен, все сделаю – послушно согласился Сивый. Волновался, однако; часовые засечь могут...

– Стяжки под напряжением, могут лопнуть. Рассчитай, чтобы ночь выдержали.

Подвезешь к трубе бетон в тачке, делай вид, что анкера бетонируешь. Пилы новые, управисься махом. Сделал – отвалил, более не маячь; с вышки линзами сечь будут. Я снизу нырну в печь, там люк открыт; до болтов главное добраться. Надо пару гаек отвернуть, думаю не заметят. Да, а что бы мне не засветиться – прикроешь.

– Как это? – не понял Сивый.

– У трубы щиты из досок сбиты, поставь один из них вертикально к трубе. Он меня от вышки наблюдательной закроет; когда ключом работать буду. Тогда и пилки тебе передам; в печи они, за кирпичами упрятаны. Стяжки непременно лопнут, если трубу начать раскачивать. Вот завтра этим и займемся. Значит так; завтра как сигнал дам, лезешь в печь, а я, тем временем, на трубу по лестнице поднимусь. Сегодня еще бригадиру скажу, что на трубе, сверху, стяжки ослабли, подтянуть надо. Если будет против – пришьем, что бы не мешал. Он у меня во, где, – сплевывая, Моргун указал себе на горло, – Не так, так эдак; выбора нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.